Из жадности,
из лютой
журналистской
жадности
(С. 32)

... нам предстоит
строить и строить
(С. 10)

ДАГЕСТАН

№1 (112)
ЯНВАРЬ 2015

Но почему, хоть ты погиб давно,
Тебя еще боится Госкино?
(С. 24)

Колонка редактора

Зависть как предмет роскоши

Один человек, посетивший дом своего соседа, был потрясен богатством убранства. Об увиденной роскоши он стал рассказывать соседям. Когда об этом сообщили хозяину дома, он сказал: «Мне и так было известно, что я окружен роскошью и богатством, но все время чего-то не хватало. Только сегодня я понял, что моя коллекция роскоши стала почти завершенной… ». Кто-то поинтересовался тогда у богача: что же явилось недостающим предметом роскоши? «Последний предмет роскоши – иметь завистливого соседа. Ибо нет смысла, как бы богат ты ни был, если никто не завидует тебе», – ответил он самодовольно.

Пример поучительный, он – точный диагноз духовного состояния современного общества. Все, что делается у нас, носит показной характер, делается в большей степени для окружающих, нежели для себя. Чтобы показать, кто ты есть, самоутвердиться! Для этого все средства хороши: одного можно унизить, другого оскорбить, третьего лишить жизни, – главное, показать себя и доказать остальным, что ты состоявшийся человек.

В современном Дагестане нет постыдных путей заработка денег, здесь стыдно быть без денег. Об этом много говорили, обсуждали, но мало что меняется. Как известно, одной из главных угроз целостности государства является коррупция. Это оценка не только независимых экспертов и оппозиции, но и официальной власти страны. В Дагестане коррупция в силу национальных особенностей приобретает еще более уродливую форму, что отметил и Глава Республики Дагестан Рамазан Абдулатипов: «**…Если в Москве человек сворует у государства, будет сушить сухарики и ляжет на дно – пока до него не доберутся. А в Дагестане все наоборот. Тут обязательно ты должен демонстрировать, сколько ты своровал. Это говорит об уровне нашего воспитания, об уровне духовного состояния современного Дагестана, о полной деградации…**». Точнее не скажешь, иначе, зачем для доставки тела одного чиновника на работу выезжают десятки автомашин? Не это ли демонстрация наплевательского отношения к закону, рассчитанное на общество, в котором витает культ воровства и богатства, силы и насилия?

От слов автор приведенной выше цитаты сразу перешел к делу: больше 20 глав районов и городов лишились своих должностей, трижды было отправлено в отставку правительство, без конца сменяются министры. Действия Главы доказали, что нет в республике неприкасаемых людей, что при воле первого лица можно сменить любого власть имущего. И этот курс существенно поднял авторитет власти.

До прихода Рамазана Абдулатипова кланы диктовали условия главам республики, которые в полном смысле этого слова ими никогда не были. Но усилия Главы и его команды вряд ли способны существенно изменить жизнь Дагестана без участия и поддержки самих дагестанцев.

Неужели мы настолько испорчены, что способны свергнуть честного, интеллигентного человека, и готовы прогибаться под монстрами, которые воруют миллиарды и разъезжают в кортежах на бронированных авто?

К сожалению, это так. Многие из народа сами стремятся во власть, унижаются, чтобы потом унизить других. Дают взятки, чтобы потом самим их получать. Терпят оскорбления, чтобы оскорблять других, когда поднимутся по карьерной лестнице. Власть – отражение общества.

Помните пословицу «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива»? Так вот, у нас пенять начинают только тогда, когда путь к властной кормушке оказывается отрезанным, и в зеркале видят не себя. Но это уже другая история…

Магомед Бисавалиев

ДАГЕСТАН

№1 (112) январь 2015 г.

Выходит с августа 2002 года.
Периодичность – 12 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство
печати и информации РД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Магомед БИСАВАЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
http://journaldag.ru
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:
Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала «Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
13500000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года. Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.
ОГРН 1020502629927

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос».
Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Пушкина, 6.

Усл. п. л. – 7,5.
Тираж – 1500 экз.
Номер заказа –

Подписной индекс на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у общественных распространителей – свободная.

Содержание номера:

Андрей Меламедов
Наш ответ «сытому» миру
С. 4

Наида Хаспулатова
Лианы, море, граница и птицекомплекс
С. 10

Абдусалам Шахбанов
Казмааульская история
С. 15

Влада Бесараб
Маленький музей о большой дружбе
С. 17

Эдуард Эмиров
Тест на культуру
С. 20

Расул Магомедов
Замечания и пожелания
С. 24

Светлана Анохина
Написанному верить
С. 32

Ахмед Муртазалиев
Турецкий мир Ахмедхана Абу-Бакара
С. 38

Магомед-Расул
«На севере диком...»
С. 46

Умайра Абдусаламова
Икра гречневая
С. 52

Мариям Кабашилова
Граница меж явью и сном
С. 58

Андрей Меламедов

НАШ ОТВЕТ «СЫТОМУ» МИРУ

После введения «продовольственных» санкций многие россияне начали, наконец, воспринимать сельское хозяйство как стратегическую отрасль, задаваясь каждодневным вопросом: сумеют ли отечественные аграрии оперативно заполнить образовавшиеся продуктовые ниши? Или уже сегодня надо готовиться к жизни в условиях постоянного продуктового дефицита, от которого за годы перестройки мы успели отвыкнуть? Корреспондент журнала «Дагестан» встретился с вице-премьером Дагестана Шарипом Шариповым и поговорил с ним об импортозамещении и перспективах развития сельского хозяйства в республике.

– Шарип Исмаилович, на совещании в Нальчике, которое проводил Медведев, говорилось о том, что в рамках программы импортозамещения республике будут выделены очень серьезные деньги. Расскажите о том, как дагестанские аграрии планируют ответить на вызовы, связанные с введением санкций. Как Вы считаете, смогут ли санкции стать толчком для дальнейшего развития отрасли?

– Хотя конкретные цифры пока не озвучены, можно предположить, что речь действительно идет о серьезных финансовых поступлениях, – если судить по масштабам задач, поставленных перед республиками Северного Кавказа. Сейчас и в Дагестане, и у наших соседей ведется большая работа по подготовке региональных планов и программ, связанных с возвращением позиций, по целому ряду причин утраченных за годы перестройки. Давайте я коротко обозначу республиканские приоритеты по отдельным направлениям, чтобы читатели вашего журнала представили себе как общее положение дел, так и основные векторы, по которым будет развиваться сельское хозяйство в регионе.

Начнем с садоводства, поскольку с учетом наших традиций, мы можем рассчитывать на прорыв в развитии этой важнейшей отрасли (не зря Глава Республики объявил 2015 год годом садоводства в Дагестане). Сегодня Россия обеспечивает себя фруктами лишь на 33%, так что после введения санкций ниша образовалась огромная. А значит, у наших аграриев не будет проблем со сбытом (до недавнего времени на фоне дешевого импорта это было главным сдерживающим фактором развития). Тут мы очень надеемся на садоводов Ахтынского, Магарамкентского, Сулейман-Стальского районов, Нагорного Дагестана, имеющих богатые традиции и опыт выращивания плодов. Акцент при этом мы делаем на развитии интенсивного садоводства.

В настоящее время мы разрабатываем инструменты стимулирования, которые будут побуждать людей активно сажать сады. Уверен, что при грамотном использовании этих инструментов, а также при финансовой помощи, которую пообещал оказать федеральный центр, мы сможем значительно увеличить объемы выращиваемой продукции и выйти на передовые позиции в России. Помощь от федерального Минсельхоза мы ждем в части снижения минимального размера сада, необходимого для получения субсидий (до трех гектаров), поскольку в наших условиях лишь незначительное число

хозяйств имеют такие площади, в силу чего мы были вынуждены вернуть обратно значительную часть поступающих на развитие садоводства субсидий. С другой стороны, ожидается увеличение размера ставок субсидий до уровня, покрывающего 30% затрат на закладку садов (существующие покрывают менее 10%).

Очень важное направление – развитие виноградарства, и особенно столовых сортов. В Россию ежегодно завозилось более 400 тысяч тонн столового винограда, тогда как собственное производство составляет всего 70-80 тысяч тонн (половина этого объема производится в Дагестане). С учетом этих факторов мы приняли решение значительно увеличить производство столового винограда в республике. Если в прошлые годы доля столовых сортов в структуре посадок едва дотягивала до 25%, то уже нынешней весной картина начала меняться – из 658 гектаров новых посадок 40% составляют столовые сорта.

– Честно говоря, нежелание наших виноградарей заниматься столовыми сортами вполне объяснимо – в последние годы наши хозяйства испытывали серьезные проблемы со сбытом своей продукции. Нередки были случаи, когда столовый виноград по бросовой цене сдавался на винно-коньячные предприятия. И еще один важный момент: для республики производство технических сортов винограда тоже выгоднее, поскольку конечный цикл переработки позволяет получать более высокие прибыли, в разы увеличивает объем уплаченных налогов, не говоря уже об алкогольных акцизах.

– Мы все это понимаем и предпринимаем шаги для того, чтобы сделать производство столовых сортов более прибыльным. Одно дело продать виноград в сентябре, и совсем другое – додержать часть продукции до декабря, когда цены на нее увеличатся в разы. Помочь в этом может логистика, а именно: строительство современных оптово-логистических центров. Перспективы тут такие: в республике запланировано строительство сразу трех таких центров – на севере, на юге, и в центральной части.

Начну с последнего – между Махачкалой и Каспийском под эту программу уже выделен земельный участок и разработан проект стоимостью 1,5 млрд рублей. Имеются инвесторы,

в том числе и зарубежные (в реализации этого проекта вместе с дагестанскими бизнесменами будут участвовать их коллеги из Азербайджана).

На севере в рамках масштабного проекта, реализуемого Дагагрокомплексом, уже построены хранилища на 60 тысяч тонн овощей и 50 тысяч тонн зерна, запущен завод по производству томатной пасты. Тут важно отметить, что эти объекты возведены на инвестиционной площадке, к которой за счет средств республиканского бюджета подведена вся необходимая инфраструктура. Это значительно облегчает реализацию других проектов в сфере агропрома (как промышленная площадка в Тюбе обеспечила рост строительства промышленных объектов рядом с Каспийским заводом листового стекла, так и эта площадка на севере должна дать толчок дальнейшему развитию масштабных сельскохозяйственных проектов).

Теперь южное направление. Запланировано строительство виноградо-фруктохранилища на 10 тысяч тонн в Каякентском районе. В качестве потенциального инвестора выступает депутат Госдумы Балаш Балашов, выходец из этого района. К реализации этого проекта планируется привлечь специалистов из Израиля. Сейчас решается вопрос выделения земли, большую помощь в этом оказывает новый глава района Магомедэмин Гаджиев, который очень заинтересован в реализации этого проекта. Кроме этого в наших планах строительство десятков хранилищ малых размеров, дающих хозяйствам больше возможности для маневра.

– На совещании в Нальчике большое внимание было уделено развитию овощеводства в регионе. Какие перспективы у Дагестана в этой отрасли?

– Основной упор здесь решено сделать на выращивании овощных культур на защищенном грунте, кстати, эту задачу перед дагестанскими аграриями регулярно ставит и Глава Республики. Тут у нас, безусловно, имеется большое отставание. Смотрите, норма потребления тепличных овощей составляет примерно 15 кг в год на человека. С учетом населения Дагестана нам только для собственного потребления необходимо выращивать около 45 тысяч тонн. При урожайности 30 кг с квадратного метра это примерно составляет 150-200 гектаров теплиц. Мы же сегодня имеем всего 3 га в ЗАО «Тепличный» плюс 10 га теплиц, построенных в 2013 году в рамках проекта «Эффективный АПК». При этом у нас около 70 га весенних теплиц пленочного типа, разбросанных по разным территориям.

Теперь о перспективах. В этом году в активной фазе строительства находится около 30 га теплиц, большинство из них будет сдано до конца года. Примерно такие же планы (30-40 га) на 2015 год. После их реализации мы сможем закрыть собственные потребности примерно на треть, может, чуть больше. А с учетом того, что в Россию ежегодно завозилось около 1 миллиона тонн тепличных овощей, и эту нишу надо заполнять, задачи в этом плане стоят очень масштабные. Так что нам предстоит строить и строить. Тем более что с учетом нашего климата и большого количества солнечных дней мы имеем серьезные конкурентные преимущества перед другими регионами.

– Дагестан, как известно, имеет самое большое овечье стадо в России. В последние годы наметились тенденции к увеличению производства мяса крупного рогатого скота. Тем не менее, если я не ошибаюсь, республика пока не обеспечивает даже собственных потребностей по этим позициям.

– Вы правы, говядину мы пока действительно вынуждены завозить, что же касается баранины, у нас имеются все возможности для того, чтобы реализовывать ее в других регионах страны. После присоединения к санкциям Австралии, конкурентов в этом сегменте у нас практически нет. Так что перспективы у наших овцеводов очень хорошие. На последней выставке «Золотая осень», состоявшейся в октябре, мы подписали соглашение с Департаментом торговли и услуг Москвы о сотрудничестве в части расширения поставок продовольственных товаров из Дагестана. При этом планируется существенное увеличение поставок баранины.

– Республика и ранее предпринимала подобные попытки. Помню, Мурат Шихсаидов (на тот момент вице-премьер правительства РД. – *А.М.*) после заключения аналогичного соглашения привозил в Дагестан делегацию московских рестораторов, готовых закупать экологически чистую дагестанскую баранину по европейским ценам. Сделка не состоялась из-за того, что в республике отсутствует культура разделки мяса по европейским стандартам. Не боитесь, что и на этот раз все так и ограничится переговорами?

– Не боюсь. Буквально через пару дней в Ногайском районе состоится открытие современного скотобойного цеха, способного решать все эти задачи (на момент выхода этого номера журнала цех уже начал работать, отправляя в регионы России первую продукцию. – *А.М.*). Построил его частный предприниматель Мухтарбий Аджеков, руководитель КФХ «Бозторгай». Причем, что очень важно, построил за счет собственных средств, вложив в этот проект порядка 40 млн рублей. На эти деньги закуплено самое современное немецкое оборудование, позволяющее осуществлять разделку и фасовку

продукции по европейским нормам и стандартам. Мощности этого цеха (1000 голов овец и 100 голов КРС в сутки) позволят обслуживать практически всю северную зону республики. Закуплено холодильное оборудование, которое позволит получать как охлажденное мясо, так и замороженное – для транспортировки на дальние расстояния. В планах Аджекова – дальнейшее расширение производства, предполагающее переработку продукции.

В начале декабря, в Москве, у меня состоялась встреча с руководителем Департамента торговли и услуг Москвы Алексеем Немерюком, в которой приняли участие представители ряда ведущих агропредприятий республики, в том числе Кикунинского консервного завода, Широкольского рыбокомбината, КФХ «Бозторгай» и др. Мы обсудили практические механизмы реализации подписанных соглашений в части продвижения продукции республиканских производителей на столичный продовольственный рынок. Так что это уже не просто разговоры, а конкретная работа на долгие годы. Заканчивая разговор о мясной отрасли, скажу, что в настоящее время в Кочубее ООО «Апал» строит еще один скотобойный цех. Кроме того, в республике завершается строительство 15 современных животноводческих ферм и 15 цехов по переработке молока и мяса, производству сыров. Так что перспективы у нас тут хорошие.

– Сегодня санкции выступают в качестве стимула для дальнейшего развития АПК. Но что будет завтра или послезавтра (очевидно, что рано или поздно их отменят)? Насколько мне известно, многие руководители сельхозпредприятий не спешат запускать серьезные проекты, опасаясь, что после отмены санкций их продукция окажется неконкурентоспособной.

– Уверен, опасения напрасные. Сегодня государство всерьез озаботилось проблемами продовольственной безопасности и делает все, чтобы максимально сократить зависимость от поставок импортной продукции. Причем это программа не на год-два, а на очень долгий период, призванная лишить «сытый» мир «продуктовых» рычагов воздействия на российскую экономику. Так что момент действительно уникальный и воспользоваться им необходимо.

– Очевидно, что резкий скачок в сельском хозяйстве, о необходимости которого говорит Рамазан Абдулатипов, немыслим без широкого использования современных технологий. В этой связи расскажите, пожалуйста, об инвестиционных проектах, реализуемых в республике с точки зрения применения новейших методов выращивания и переработки сельхозпродукции.

– Основная задача, которую мы решаем в ходе реализации масштабного проекта «Эффективный АПК», как раз и заключается в коренной модернизации отрасли. Мы прекрасно понимаем, что решить ее можно только при помощи инновационно-инвестиционных инструментов. Поэтому каждый новый проект (особенно это касается тех, где предполагаются меры государственной поддержки) оцениваем, прежде всего, с точки зрения его технологичности.

В принципе, ситуация тут достаточно хорошая. В рамках реализации приоритетного проекта мы сумели заложить основы становления нового облика нашего АПК. Смотрите, ООО «Агромир» буквально на днях ввело 4 га теплиц в Ленинкенте. Так вот при их строительстве применены лучшие европейские технологии выращивания продукции. Или возьмем птицефабрику в Магарамкентском районе, которую возводит ООО «Экопродукт». Предприятие замкнутого цикла, безотходное производство,

невозможное без применения современных технологий. ЗАО «Дарада-Мурада» Гергебильского района завершило очередной этап модернизации, установив современное оборудование по переработке молока. Две современные импортные линии смонтированы также на Кикунинском консервном заводе, в 2015 году здесь планируется организация производства детского питания. Современнейшие технологии и техника закупаются также в ходе реализации масштабного проекта «Дагагрокомплекса». И таких примеров модернизации агросектора могу привести немало.

Наши люди хорошо понимают, что победа в конкурентной борьбе без новых технологий невозможна, в противном случае фермер из Ногайского района никогда бы не стал вкладывать миллионы в закупку современного оборудования. Мы убеждены, что без должной культуры производства, надлежащего соблюдения основных законов земледелия, даже самые передовые технологии и современные механизмы не будут работать должным образом. Этим и обусловлено то, что в рамках приоритетного проекта «Эффективный АПК» проводим огромную работу по части аграрного просветительства, поднятия престижа аграрного труда и самой сельской жизни в целом. Мы буквально растормошили все существующие службы в сфере АПК, муниципалитеты с тем, чтобы решением актуальных проблем отрасли заниматься на повседневной основе, вовлекая в эти процессы

также неравнодушных сельчан, каких, к нашей радости, в республике большинство.

– Многие сельхозпроизводители уверены в том, что нарушения в агропроме напрямую связаны с тем, что в республике до сих пор не принят реальный закон о земле. Именно это обстоятельство, по их мнению, позволяет получать дотации на овцематок тем, у кого нет овец, а кредиты и гранты на выращивание сельхозпродукции – тем, у кого нет ни одного гектара земли.

– Закон о земле в Дагестане, как известно, принят еще в 2003 году. Другое дело, что согласно ему решение о передаче сельхозземель в частную собственность с учетом наших реалий отложено на 49 лет, до 2052 года. Тем не менее, считаю, что эти две проблемы – передача земли в частную собственность и нарушения, о которых вы говорите, абсолютно не связаны. Смотрите, сегодня в России в подавляющем большинстве регионов введена частная собственность на земли сельхозназначения. А теперь скажите: отразилось ли это обстоятельство коренным образом на повышении экономической эффективности хозяйствования? Сократило ли число нарушений? Никоим образом. Сегодня вопрос не в форме собственности на землю! Проблема в соблюдении существующих норм законодательства, в том числе и земельного.

Крайне злободневной для республики проблемой является рациональное использование имеющихся сельхозугодий. Тут у нас ситуация достаточно непростая, недаром этот вопрос стал главной темой обсуждения на первом республиканском форуме земледельцев, состоявшемся в марте. Глава Дагестана Рамазан Абдулатипов наведение порядка в земельных отношениях назвал своим ключевым приоритетом.

Что же касается встречающихся злоупотреблений при предоставлении господдержки, о которых вы говорите, то в рамках проекта «Эффективный АПК» сделан акцент на создании условий для справедливых, прозрачных, понятных любому аграрию правил игры, значительно упрощающих получение господдержки. Нам сегодня важно сформировать с сельхозтоваропроизводителями доверительные отношения, без которых сложно добиться их полноценного вовлечения в орбиту реализуемых долгосрочных программных мероприятий.

– Тем не менее, проблем в этой сфере пока хватает. В нашу редакцию, к примеру, поступило много жалоб по поводу распределения денег, выделенных на поддержку начинающим фермерам (в этом году на эти цели было выделено более 166 млн рублей, еще больше планируется выделить в 2015-2017 годах).

– Честно говоря, я не особо удивлен, поскольку еще в ходе проведения конкурса мы предполагали, что жалоб будет много. Дело в том, что тут на один грант претендовало одновременно 4-5 человек. При этом многие из них были отсеяны уже на первом этапе. У некоторых из них не было правоустанавливающих документов на землю, у других возникли проблемы с качеством оформления конкурсной документации. Так что жаловаться люди начали задолго до того, как были подведены итоги конкурса. Ну, представьте себе: человек, претендующий на получение гранта на создание своего производства, имеет на руках лишь договор аренды земли на срок менее года (что не требует госрегистрации). А теперь скажите, как можно ожидать от него организации фермерского хозяйства на срок не менее пяти лет?! Многие претенденты отсеивались именно из-за отсутствия долгосрочных (более 5 лет) договоров аренды земли.

При этом я вовсе не исключаю, что в том или ином районе при проведении этого конкурса были допущены отдельные нарушения и имеются факты нецелевого использования средств. Но, уверен, в масштабах республики эти явления не стали массовыми, системными, поскольку все проходило в обстановке максимальной прозрачности.

– В 2015 году будут акционированы полтора десятка неэффективных ГУПов. Как будет распределяться их земля? Понятно, что до 2052 года она приватизации не подлежит, но также понятно и другое: тот, кто сегодня возьмет землю в аренду на 49 лет, в конечном счете, и станет ее собственником. Так вот многие работники ГУПов, как показывает ситуация в том же Каякентском районе, всерьез опасаются, что земля достанется «чужакам».

– Начнем с того, что от неэффективных ГУПов избавляться нам все равно придется. Во-первых, государству не нужна эта обуза, а, во-вторых, согласно Российскому законодательству, к 2016 году ГУПов остаться не должно. Единственный законный механизм ухода от ГУПов – их акционирование. Тут, как я понимаю, вопросов нет.

Теперь об опасениях насчет «чужого дяди», который придет и все заберет. Честно говоря, я не очень представляю себе ситуацию, при которой чужак придет хозяйствовать в чужое село. Тем самым он заранее обречет себя на многолетние конфликты и тяжбы, и рано или поздно будет вынужден уйти. Это наши реалии, и с ними надо считаться – хотим мы этого или нет. В этом плане сегодня мы проводим серьезную работу, объясняя людям, что в рамках действующего законодательства другого пути, кроме акционирования, нет.

Со своей стороны республика заинтересована в том, чтобы эта земля досталась тем, кто умеет на ней работать, и сможет использовать ее по-хозяйски. Так что никакие препятствия работникам ГУПов чиниться не будут. Больше того, постараемся сделать все, чтобы их интересы не пострадали, и чтобы республику не захлестнула волна земельных конфликтов (мы прекрасно понимаем, что проблема ГУПов лежит не только в экономической плоскости, здесь имеется очень серьезная социально-политическая составляющая). Решить экономические проблемы, а взамен получить нестабильную ситуацию в наши планы не входит. Поэтому работа эта будет проводиться очень аккуратно, взвешенно, с максимальным учетом интересов работников ГУПов и населения того или иного села. Это наш безусловный приоритет.

Наида Хаспулатова

ЛИАНЫ, МОРЕ, ГРАНИЦА И ПТИЦЕКОМПЛЕКС

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ЛЕС НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Лианы ярко зеленеют на фоне пастельных красок зимних деревьев. Именно они делают Самурский лес уникальным. Это самый северный в мире и единственный в России субтропический лиановый лес. В этом реликтовом лесу можно увидеть гигантские платаны и пробковые деревья, граб, дуб, ясень, и рядом – столь привычные для Дагестана – яблоню, грушу, мушмулу, кизил, фундук; и всё это перевито вечнозелеными лианами. Заканчивается лес берегом Каспийского моря с бархатными песчаными пляжами. В реке Самур, пересекающей лес, много рыбы, в лесу – редкие животные и птицы. На территории леса Самурский государственный природный национальный парк. Местные жители и ученые, правда, бьют тревогу – площадь леса в последние годы неуклонно сокращается. Почти половина его просто вырублена и роздана под участки, оставшаяся, по словам местных жителей, усыхает. На территории района было несколько проектов, которые могли негативно сказаться на лесе, сейчас они все приостановлены. Поможет ли это живому памятнику природы – никто не знает.

Но никаких следов гибели и засыхания мы, если честно, не заметили. Даже зимой он выглядит великолепно: густые деревья, яркие лианы, журчащие ручьи. А от приморской части леса, где к этой роскоши добавляется ещё и море, – глаз не отвести. И тем более странно, что такое прекрасное место отдыха не используется. Вернее, есть одна небольшая база отдыха еще советских времен, которую сейчас выкупил и переделал в скромную гостиницу человек на двадцать местный бизнесмен. Район своими силами благоустроил пляж, куда в купальный сезон приезжает до 1000 машин в день. Но доходов это никому не приносит. Желающих инвестировать в рекреацию 22-километрового побережья пока в Магарамкентском районе нет.

МАГОМЕД ЯРАГСКИЙ

История района не такая древняя. Традиционно горцы не любили равнину, и поэтому заселяться район стал только в XVIII веке. Особенно интенсивно заселение пошло при советской власти. Болота были высушены и засыпаны руками тысяч заключенных, которых щедро поставлял сталинский режим. Сюда переселялись жители высокогорных лезгинских районов – Курахского и Ахтынского, кусарские лезгины. Но, несмотря на короткую историю, многие выходцы из Магарамкентского района оставили огромный след в истории Дагестана. Конечно,

самый знаменитый – основатель мюридизма на Кавказе, духовный наставник всех имамов – Газимагомеда, Гамзатбека и Шамиля, просветитель и шейх Магомед Ярагский.

Именно он заложил идеологическую основу движения имама Шамиля. Имам Шамиль говорил: «Каждый, кто хоть однажды услышал проповеди шейха Мухаммада, превращается в тигра ислама и непобедим в битвах с врагом». Рассудительный, трезвый и острый ум, глубокие знания не только в религии, убежденность в правоте своих идей позволили ему перешагнуть через себя ради великой цели – освобождения горцев. Ярагский и его последователи призывали к объединению народов Кавказа в борьбе с Российской империей. Как известно, именно из его уст впервые прозвучал призыв к «священной войне».

Село Вини-Яраг, где родился шейх Мухаммед-эфенди, полностью разрушено. Его жители переселились в Яраг-Казмаляр – село в этом же районе, ближе к азербайджанской границе. В доме, где он родился в 1770 году в семье лезгинского ученого, в свое время возвели мечеть, от которой сейчас остались только развалины.

КРУПНЕЙШИЙ ПТИЦЕКОМПЛЕКС КАВКАЗА

Мы подъезжаем к большим, современным корпусам, где кипит работа. Инвестиционная группа «Trastcom», основателем и президентом которой является уроженец Ахтынского района Абдулжелил Абдулкеримов, строит здесь самую крупную птицефабрику на Северном Кавказе. Причем это первый подобный птицекомплекс в Юждаге – почему-то промышленным птицеводством здесь не занимались даже при Советской власти. Руководит стройкой Хандемир Раджабов – главный инженер краснодарской фирмы «АСТ». Уже в эти дни они должны закончить все корпуса. Здесь 4 корпуса, инкубатор, кормовой цех. После Нового года начнет завозиться оборудование.

То, что мы видим, это только начало. В планах ещё 8 птичников, комбикормовый завод, убойный цех. Все они будут объединены единой технологической и производственной программой и составят единую замкнутую систему. Птицекомплекс рассчитан на производство 4 500 тонн бройлерного мяса в год.

Комплекс был задуман давно, но инвесторы не начинали строительство, пока в мае 2013-го ему не присвоили статус «приоритетного проекта Республики Дагестан». На бюджетные деньги должна быть построена вся инфраструктура: электричество, газ, вода, дорога. Новенькая дорога действительно проложена – к сияющим корпусам мы подъехали с комфортом. Газ и электричество подводят, но еще не подключили. Поэтому строителям приходится пользоваться дизелем. И, понятно, что пока все коммуникации не подключат, выращивать кур невозможно.

Жители сел. Оружба, около которого строится эта фабрика, рады проекту. Уже 70 местных жителей трудятся на стройке с неплохой для этих мест зарплатой – 25-40 тысяч рублей в месяц. С запуском птицефабрики появится больше 300 рабочих мест. К тому же рядом с корпусами птицефабрики 137 га земли выделены под кормовые культуры. Так что сельчане будут обеспечены работой. А в том, что спрос будет, компания АПК «ЭкоПродукт» не сомневается. Сейчас Дагестан обеспечивает себя мясом птицы всего на 25%, птицефабрика ориентирована на дагестанский рынок, и продукция будет качественная и дешевле, чем у конкурентов – и за счет транспортных расходов, и за счет более теплого климата.

Несмотря на солидность комплекса, инвесторы рассматривают его как пилотный проект. Если спрос превысит производительность, птицекомплекс спроектирован так, что его можно будет наращивать модульно до любых объемов.

СОВРЕМЕННЫЕ АГРАРИИ

Птицефабрика, конечно, самый крупный инвестпроект в этом районе, но далеко не единственный. Несмотря на зиму, видно, что все поля ухожены, фактически нет пустующей земли. Правда, улицы почти пустые, но это естественно для села в такой сезон. Много строится и частных домов, и производственных объектов. По дороге ближе к райцентру зачастили теплицы – под них в Магарамкентском районе занято около 5 га. Около села Картас-Казмаляр сейчас строится огромная теплица на 2 га. За последние годы построено пять современных животноводческих ферм.

Загидин Ахмедов

Вдоль дороги, где мы проезжаем, радуют глаз ряды виноградников. Очень много частных небольших ферм. Есть и большие хозяйства. Дербентский коньячный комбинат заложил 153 га плантаций солнечной ягоды, район выделил им еще 100 га земли. Есть и другие примеры передовых технологий.

То, что мы, подъезжая к птицефабрике около селения Оружба, издали приняли за виноградники, неожиданно оказалось садами, о которых все слышали, но мало кто в Дагестане видел. Спутать с виноградниками их несложно: идут шпалеры с проволокой, невысокие саженцы – совсем не тот яблоневый сад, к которому мы привыкли с детства. Это сад СПК «Гранит». Председатель СПК Загидин Ахмедов показывает самую современную агротехнику – шпалеры с четырьмя проводами, саженцы, посаженные через полтора метра, каждый прикреплен к опоре. Здесь 6 тысяч яблонь на 4 га. Разбить такой сад очень дорого – гектар обходится в полтора-два миллиона. Но зато и урожай уже в первый год до* десяти тонн яблок с гектара. Проблем с реализацией фермер не боится. «Ранние сорта в этом году перекупщики принимали по 30 рублей, поздние по 20 – достаточно выгодная цена. Но, конечно, яблоки должны быть товарного вида, а при такой технологии они большие, красивые. Единственное, хотелось бы помощи государства побольше. Все, что мы получили, – это субсидия в размере 300 тыс. рублей за саженцы на весь сад. Капельное орошение провести не можем, что обязательно должно быть в интенсивном

саду, – у нас на это просто не осталось денег. Но мы всё равно будем расширяться, в следующем году по такой же технологии планируем посадить фундук», – рассказывает Ахмедов.

Такая технология в этом районе пока только в одном хозяйстве. Но обычные сады со знаменитыми магарамкентскими яблоками на каждом шагу. И поэтому в районе нет большой проблемы с безработицей – с весны до осени любой может работать в поле, в саду за 600-700 рублей в день.

Промышленного производства в Магарамкентском районе нет, есть несколько перерабатывающих предприятий. В сел. Яраг-Казмаляр, например, из местных фруктов и ягод варят варенье, джемы, компоты. Но есть и необычное производство.

Когда мы услышали, что здесь варят местный сахар, сначала удивились – вроде бы ни сахарной свеклы, ни тростника здесь отродясь не было. Все оказалось проще – любой выходец из Южного Дагестана знает и любит коричневатый сахар со своеобразным вкусом, который варили дома ещё в советские времена. Даже сейчас, в эпоху товарного изобилия, он обязательно подается в Юждаге на свадьбах, в любом ресторане, кафе и т.д. Вот и решил Вагиф Гаджимурадов из Бут-Казмаляра поставить производство этого популярного лакомства на поток. Уже построен мини-завод, магазин, где будут продавать сладости. «Сейчас мы варим 100-200 кг в день. Заказали аппаратуру из Турции на 5 тонн в сутки. В спросе уверен – расходится очень хорошо. Вареный лезгинский сахар намного вкуснее, чем прессованный. Пока особой прибыли нет, но со временем обязательно встанем на ноги», – делится владелец сахарного завода.

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА НЕ УСПЕВАЕТ ЗА ЭКОНОМИКОЙ

Магарамкентский район, самый южный район России – это большие чистые села с красивыми добротными домами, ухоженными полями. Наряду с мелкими фермами здесь за счет значительных вложений инвесторов развивается и крупное производство. Но, оказывается, район

Фарид Ахмедов

столь успешно развивается почти без помощи государства. Социальная инфраструктура катастрофически отстает от неплохо развивающейся экономики и роста населения. Сельское хозяйство помощи государства фактически не видит. Если в развитых странах доля государственных субсидий в продукцию сельского хозяйства составляет 40-80%, в Дагестане – в среднем 10%, то здесь – это ничтожные доли процента.

Глава МО «Магарамкентский район» Фарид Ахмедов рассказывает: «С социальной инфраструктурой у нас не важно. Единственная поликлиника в районе – бывшие сборно-щитовые бараки. В ней невозможно нормально принимать людей. А ведь район большой: 63 тыс. своего населения да еще 3 тыс. военных, которые тоже обслуживаются у нас. В 2009 году по программе «Юг России» было заложено 9 миллионов на новую поликлинику, построили цокольный этаж и на этом остановились. Сейчас строится школа в селении Самур, еще в 2012-м было начато строительство школы в сел. Оружба, но финансирования нет, и работы прекратились. В школе Яраг-Казмаляра три корпуса, между ними расстояние километр. Сейчас у нас возводятся многоэтажные дома для военных в сел. Капир-Казмаляр, в Магарамкенте и Гапцахе уже построили. Но что делать с детьми военнослужащих, не представляю – детсада в Капир-Казмаляре вообще нет. Да и школа маленькая, с трудом помещаются

местные малыши. А ведь мы обязаны принимать в школу детей военных. Каждый год ставим эти вопросы перед руководством республики, ничего не меняется», – делится глава района.

Единственный социальный объект, который был построен за последние годы, – это школа в Чахчах-Казмаляре. Она открылась 1 сентября 2014 года. До этого маленькие чахчахцы учились в здании из самана. Новая школа смотрится очень современно: двухэтажное здание из дербентского камня, с пищеблоком и спортзалом, ухоженные дорожки, двор с футбольным полем. Директор школы Сулейхат Эмирбекова рассказывает, что школа строилась с запасом – на 320 детей, хотя сейчас всего 160 учеников. Но село растет, и малышей с каждым годом все больше. Школьный спортзал за эти несколько месяцев уже стал любимым местом сбора по вечерам сельской молодежи.

В Магарамкентском районе привыкли рассчитывать на собственные силы, помощи ни от кого не ждут, и справляются со своими проблемами достаточно успешно. То, что здесь хватает частных инвесторов, видно невооруженным глазом – на каждом шагу в самых дальних селах строятся дома и производственные помещения, много новых садов и виноградников. Оно и понятно: удачное расположение – от Кавказского хребта до моря, хорошая земля, граница с Азербайджаном, 4 контрольно-пропускных пункта.

Безработицы фактически тоже нет, считают в районной администрации. Из 63 тыс. жителей более 5 тыс. заняты в бюджетной сфере. У остальных всегда есть возможность поработать в сельском хозяйстве. В последние годы создано много рабочих мест. С реализацией сельхозпродукции особых проблем нет. Те же яблоки на месте закупают по 20 рублей.

Но всё это делается фактически без помощи государства. Госпрограммы для поддержки сельского хозяйства, малого бизнеса и т.д. в районе фактически не действуют. «Люди даже не подают заявки на субсидии, пособия. Потому что получат сто рублей, потом придут 30 проверяющих структур и заберут ещё больше. Грант на развитие малого бизнеса получил только один житель района – в прошлом году, в этом году – ни одного. Это же простые люди, а документы сложные. При их оформлении без помощи юриста не обойтись, а это не одна и не две поездки в Махачкалу, – потому что малейшая ошибка – и все надо переделывать. И все это ради того, чтобы в итоге получить копейки. На зерновые, например, выделяют 1000 рублей на гектар – кто захочет связываться за такую сумму?

Когда я ездил в Азербайджан с официальной делегацией, нам рассказывали, что государство дает фермерам беспроцентный кредит на пять лет, и потом они потихоньку его возвращают. А у нас как?! Сегодня кредит получил, а завтра уже надо первые проценты выплачивать. А в сельском хозяйстве долгий цикл, сады и виноградники начинают плодоносить только на пятый-шестой год. Надо упрощать, чтобы легче было народу», – делится Фарид Ахмедов.

Но АПК растет и без помощи государства. Инвестиции за год выросли на 14%. Были определены точки роста и активно ведется работа с инвесторами. Причем здесь поощряется любой вид бизнеса. Более 5 тысяч га земли роздано в аренду – в основном крестьянским хозяйствам. Но для желающих вложить деньги в современное крупное производство всегда находят и землю, и ресурсы.

«Инвесторы стали гораздо активнее. Строятся современные теплицы с японским оборудованием на 2 га. Есть бизнесмен, который хочет построить теплицы около сел. Филя на 40 га. В сел. Азадоглы строится рыборазвод, где будут разводить форель. Под закладку сада Касумкентскому консервному комбинату выделено 100 га. Действует муниципальная программа «Развитие малого и среднего предпринимательства». Приглашаем мы и новых инвесторов. Мы готовы предоставить две инвестиционные площадки по 400 га», – рассказывает глава района.

Так что Магарамкентский район растет и развивается благодаря магарамкентцам. Если б им ещё помочь…

Абдусалам ШАХБАНОВ

КАЗМААУЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ

Далеко за полночь в ворота сильно постучали. Заиндевелые от мороза железные ворота отозвались по Казмааулу гулким эхом: танг!.. танг-г!.. Стук повторился.

– Кого это несет в такое время? – Солтансаид вскочил с постели.

– Ты бы оделся – мороз на улице, – посоветовала жена.

– Да я быстро…

В коридоре торопливо напялив ушанку, запахнувшись овчинным тулупом, он поспешил к воротам.

У ворот стояли двое. Молодые сельчане, Шейх и Арсланбег, переминались с ноги на ногу от холода.

– Слушай, тебя Ильмудин ждет – там с коровой тяжелое положение. Посмотришь, что можно сделать.

– Идите, я сейчас! – Солтансаид бегом вернулся домой.

– Брр-брр! Ну и мороз! Градусов пятнадцать, не меньше. Я – на вызов!

Он торопливо оделся, собрал ветеринарную сумку. Жена, Зубайдат, накинув большой вязаный платок, стоит рядом.

– Ты только там не натвори чего-нибудь – молодой еще!

– Разберусь как-нибудь, сам с головой!

Скован Казмааул январским морозом, затвердевший снег хрустит под сапогами – будто мнут в ладонях фольгу; у кого-то еще горит свет и его полоска сверкает на снегу серебристо-изумрудной дорожкой, вытканной красавицей-искусницей из далекой детской сказки...

Солтансаида ждали. В добротном кирпичном хлеву, уронив голову, исходила в родовых муках большая красная корова. Ильмудин – коренастый, смуглый мужчина, в стёганке и резиновых сапогах, прислонившись к стене, нервно курил.

* * *

Первый и бессменный директор племптицефабрики «Акташ» Ильмудин Сирежевич Арабиев был из той когорты работников, которые всё своё время отдавал любимому делу – работе. Работа для таких – вся жизнь. Трудоголик до мозга костей, принципиально жесткий и требовательный в быту и на работе, он поставил дело так, что птицефабрика «Акташ» была одной из ведущих и широко известной не только в республике, но и по всей стране. Крепкий хозяйственник Ильмудин не мыслил свою жизнь без скота и живности – хорошего крестьянского подворья.

Добрую славу оставил Ильмудин Арабиев о себе – истинный трудяга, кавалер орденов Ленина, Знака Почета, Трудового Красного Знамени и других правительственных наград.

В знак признания этих заслуг и названа местная школа его именем. Пусть одарит Всевышний своей милостью его бренную душу в раю!

* * *

Он стоял и курил в раздумьях. Вокруг коровы суетились племянники и молодой врач: у всех руки в крови.

Еще в прошлом году возил он несколько коров на ферму, в Аксай, где водились отборные племенные быки. Он хотел, чтобы здесь, в Казмааулe, был свой отменный породистый скот. Он хочет, и он сделает это...

Раздумья его прервал Солтансаид. Молодой врач, после тщетных попыток извлечь плод из утробы матери, пришел к единственно правильному решению – сделать кесарево сечение: ради одной жизни принести в жертву другую. Ильмудин, не раздумывая, согласился, но спросил с сомнением:

– А получится ли?

– Вы только делайте, что я скажу, а остальное – я сам, – заверил Солтансаид.

Ослабленное животное послушно легло на бок, и люди приступили к тяжелой и жестокой процедуре.

... А за дверью, нахлобучив мохнатые шапки снега на деревья и дома, свесив растопыренные стеклянные пальцы-сосульки с крыш, полноправной хозяйкой расходилась зимушка-зима; обжигая ледяным дыханием все вокруг, она удивлялась: чего это люди копошатся в хлеву?

Через полчаса все было закончено. Огромный теленок, пошатываясь на длинных ногах-ходулях, тыкался розовой мордочкой в ноги людей. Откуда ему, чудному созданию, было знать, в каких муках, и какой ценой он родился?! Большие, черные, влажные коровьи глаза застыли в немом ужасе: может, в безмолвной благодарности людям за спасение родного дитя; а может, за избавление от продолжительных и мучительных болей?!

Радости Ильмудина не было конца. Сидя на корточках, он обхватил за уши маленькую, мокрую голову теленка и поцеловал в пухлую мордочку.

– Якши! Молодец! Будет у нас свой бычок и племенной скот, назовем его в твою честь – Солтаном! – Он крепко обеими руками пожал руку молодому врачу. – Будет из тебя толк, это я тебе говорю! Спасибо тебе, Солтансаид! Савбол!

Несмотря на мороз, по дороге домой Солтансаид расстегнул полушубок – ему было жарко. «Ничего, получилось же! А я боялся... А чего бояться-то – знаю ведь, но то теория техникумовская, – рассуждал про себя Солтансаид. – Надо много работать и учиться, обязательно учиться! Надо бы братьям, Расулу и Булачу, рассказать. Да ладно, успеется».

Тем временем мороз-невидимка пробрался к разгоряченному телу юноши, пощипывал кончики носа и ушей, будто колол иголками, насмехаясь: «Ишь ты какой! Расхвастался, шельмец!» Поглубже запахнув полушубок и подняв воротник, Солтансаид ускорил шаг.

Крепко сложенный этот смуглый молодой человек, выбирая трудный путь ветеринарного врача, с самого начала знал: будут ночные вызовы, дневные обходы по селам района, массовые прививки скоту от эпидемических болезней и многое другое, что может вынести только преданный своему делу человек. В мире животных нет ни протекций, ни поблажек: животные есть животные! Спасая их от опасных болезней, ветеринар знает: он спасает человечество! Как никто другой, знал и понимал это Солтансаид...

Это потом к нему придет слава – почетное звание «Заслуженный ветеринарный врач Республики Дагестан»; потом окончит он заочно ветеринарный факультет Горского сельхозинститута и дослужится до звания капитана ветеринарной службы. Каждый житель из близлежащих сёл и кутанов будет знать его в лицо, благодарить Всевышнего и родителей – Надирбега и Супу Умаровых, за воспитание хорошего сына, порядочного гражданина и замечательного работника.

А пока... Пока в синем медицинском халате, увешанный сумкой с шприцами, ампулами и флаконами, многие годы будет он колесить по селам района. Его ждут в Ботаюрте, Куруше, Казмааулe, Сулевкенте, Шагаде, Умар-отаре; ждут, хорошо зная: Солтансаид из Казмааула – лучший врач района. Лучшая для него награда – это признание народа, которому служит он верой и правдой.

Влада Бесараб

МАЛЕНЬКИЙ МУЗЕЙ О БОЛЬШОЙ ДРУЖБЕ

Музей дружбы народов России открылся в Махачкале 15 сентября 2014 года – в День единства народов Дагестана. Расположился он в самом центре города, в недавно открывшемся Доме Дружбы.

Одно дело – подписать документы об открытии музея, и совсем другое – открыть экспозицию для посещения. Обычно между этими событиями проходит не один месяц – ведь нужно собрать фонды, продумать концепцию постоянной выставки и организовать ее, подготовить тексты для экскурсий и т. д. Но в случае в Музеем дружбы все случилось очень быстро, и до конца года здесь успели не только представить посетителям интересную постоянную экспозицию, но также провести несколько тематических выставок и целый ряд других мероприятий.

– Может, это оттого, что коллектив у вас молодой, инициативный, креативных идей и энергии много? Большой, кстати, коллектив-то? – Мой первый вопрос заведующей Музеем Екатерине Дидковской.

– Возможно (*смеется*). Коллектив небольшой, кроме меня в штате музея пока один научный сотрудник и один хранитель. Но и хозяйство у нас пока небольшое – всего 600 единиц хранения.

– В музеях изобразительного искусства хранятся картины, скульптура и другие произведения изобразительного искусства, в музее, скажем, истории железных дорог – предметы и документы, так или иначе связанные с железнодорожной отраслью. А что можно показать в Музее дружбы? Ведь это абстрактное понятие, его не потрогаешь, не сфотографируешь, тем более что речь не о личных отношениях нескольких людей, а о дружбе целых народов.

– В Музее дружбы можно показать все, что связано с историей и культурой разных народов, рассказать, почему те или иные предметы являются столь значимыми для них, как появились и развивались те или иные традиции, порой непонятные представителям других народов. Ведь даже через обыкновенные, казалось бы, вещи – предметы быта, костюмы, украшения, типичные блюда национальной кухни, изделия народных промыслов, раскрывается вся суть народа. А дружба между народами всегда начинается с личной привязанности, с теплых отношений, установившихся между отдельными людьми.

– Ну, в общем, да. Если твой сосед-татарин – добрый, веселый, отзывчивый человек, то ты невольно начинаешь думать, что все татары такие же добрые и веселые. Вы можете

ством культуры Азербайджана. Ее сменит экспозиция из Чеченской Республики, потом будут экспонаты из Якутии.

– Здорово! Если Азербайджан и Чечня – наши ближайшие соседи и мы как-то знакомы с их культурой, традициями, то Якутия и вообще Север – для нас экзотика совершенная. А обратная связь есть, ну, чтобы мы могли не только «на других посмотреть», но, что называется, и себя показать?

– Конечно. Мы подготовили материал для выставки в Доме дружбы Самарской области, тесно сотрудничаем с Московским Домом национальностей, постепенно налаживаем связи со всеми регионами. Уже есть договоры с Национальным музеем Кабардино-Балкарской Республики, Ингушским музеем краеведения им. Т. Мальсагова. Из Крыма вот прислали фотовыставку.

спорить о том, чьи пироги вкуснее, но когда у соседа беда, ты бежишь помогать, не задумываясь, представителем какого народа он является.

– Сейчас мы посылаем запросы в архивы разных регионов страны, чтобы найти факты из истории России и Советского Союза, которые показывали бы, что дружба народов – не абстрактное понятие. Например, когда случилось землетрясение в Ташкенте, помощь в Узбекистан шла со всех уголков страны. А после землетрясения 1970 года в Дагестане всем миром также помогали восстанавливаться нашей республике. И эти человеческие связи, эта дружба между людьми она сохранилась и после распада СССР, когда бывшие республики стали независимыми. Об этом мы и рассказываем в нашем музее. Вот сейчас у нас проходит тематическая выставка, присланная Министер-

– Большую часть экспозиции занимают предметы, так или иначе связанные с народами Дагестана. Насколько это оправданно, не дублируете ли вы здесь другие наши музеи?

– Даже если и дублируем, это не страшно. История и культура народов Дагестана многогранна и неповторима. Даже если вы много раз видели такой кувшин или кинжал, всегда есть что-то новое, что можно о них рассказать. В отличие от других музеев республики, с которыми мы, кстати, активно сотрудничаем, планируем общие проекты, мы можем сосредоточиться на каких-то деталях, маленьких частных историях, любопытных фактах. Мы

провели мастер-класс «Основы кайтагской вышивки» – интерес был настолько большой, что через некоторое время состоялся еще один мастер-класс, посвященный этому уникальному ремеслу. У нас были также мастер-классы по академическому рисунку и по живописи.

– То есть у вас такой современный интерактивный подход к общению с посетителями, когда им предоставляется возможность быть не просто пассивными наблюдателями, но и активными участниками. А вообще много народа к вам ходит?

– Мы ведем учет всех посещений. Со дня открытия музея и по сегодняшний день (мы беседуем в середине декабря. – *В.Б.*) у нас побывало 1224 человека.

– Ого! И кто все эти люди?

– Это и официальные делегации из разных регионов России и обычные дагестанцы. Школьники и студенты приходят группами, семьями люди приходят, участники автопробега «Каспий – море дружбы» у нас были, участники автопробега «В дружбе наша сила» – тоже.

– Вы, говорят, успели даже награды какие-то получить?

– Да, мы участвовали во Всероссийском форуме-диалоге «Гражданское единение: региональный аспект», который проходил в Перми, и победили в конкурсе команд федеральных округов РФ в сфере государственной национальной политики в номинации «Лучшее знание геральдических символов субъектов РФ». Наши сотрудники также были удостоены почетных грамот Правительства Республики Дагестан и Министерства по национальной политике Республики Дагестан.

– За счет чего будут пополняться фонды музея?

– Как и в других музеях, это закупки и дары. От всех желающих мы принимаем в дар предметы и документы, связанные с тематикой музея. Это может быть все что угодно – от изделий народных промыслов, старинных предметов быта, характерных для разных народов, до книг и сувениров с символикой разных регионов. Их у нас уже несколько – это подарки официальных делегаций.

Фото предоставлено Музеем дружбы народов России

Эдуард Эмиров

ТЕСТ НА КУЛЬТУРУ

Глава РД Р. Абдулатипов особую роль в процессе модернизации республики уделяет художественной интеллигенции, которая способна более ярко и эмоционально отразить общественные настроения и чаяния людей. И здесь со всей полнотой встает вопрос использования и воспроизводства нашего культурного потенциала. Гамзат Гусейнов, директор Мамедкалинской художественной школы, многие годы своей жизни посвятил делу эстетического воспитания детей, их приобщению к настоящему искусству. Его работы выставлялись на вернисажах многих стран мира, а его воспитанники неоднократно становились лауреатами многих конкурсов. У него есть моральное и профессиональное право говорить о насущных проблемах состояния культурной жизни республики.

ДУША ДОЛЖНА ТРУДИТЬСЯ…

– Гамзат, что ты вкладываешь в понятие «культура»?

– В моем представлении культура – это, в первую очередь, ценности, моральные нормы, мифы, стереотипы. Проще говоря – это то, что исцеляет нас от таких недугов, как бездуховность, безнравственность, пренебрежение к родным истокам, к своим родникам; это наше телесное и духовное здоровье. Не зря древние люди изображали свои рисунки на скалах. Они хотели передать следующим поколениям информацию в виде криптограмм. Иногда мы, современные люди, к сожалению, забываем о том, что надо сохранять наше наследие. Возьмем, к примеру, Дербент. Реставрация, которую здесь сегодня проводят, как говорится, «ни в какие ворота не лезет». А ведь есть правила реставрации. Нельзя же современный камень ставить рядом с древним. Через 10-15 лет здесь вообще не останется ничего от старины. Наша гордость Дербент становится обычным заштатным провинциальным городом.

– Может, это потому, что некоторые чиновники считают, что культура – это то, что остается в свободное время после экономики, социальных отношений, образования, здравоохранения и т.д.

– К сожалению, этот остаточный принцип по-прежнему живуч. К счастью, Глава Республики Рамазан Абдулатипов считает иначе, ставя во главу угла именно культуру. На самом деле – культура – она повсюду. Я бы предложил, прежде чем назначить чиновника на высокий пост протестировать его на культуру. Речь идет, в первую очередь, о таких должностях, как мэр города, глава администрации района, села. Они должны, даже обязаны знать об историко-культурном наследии своего населенного пункта, чтить память знаменитых земляков, сохранять памятники федерального и республиканского значения.

– Твое отношение к такому понятию, как «престижность и привлекательность региона»?

– Мы сможем этого добиться, если будем всерьез заботиться о преемственности наших традиций, передаче опыта старших младшим. Сегодня мы много говорим о культуре туризма. А ведь это не только рестораны и гостиницы. У нас много разнообразных проявлений самобытной культуры. К сожалению, многое теряется, «разбазаривается», уходит безвозвратно. Это касается и народно-прикладного искусства, и фольклора, музыкальной и песенной культуры, и этической культуры, которую мы называем «горский этикет». Посмотрите, как мало дагестанцев посещают выставки наших художников, презентации книг писателей в Национальной библиотеке. У нас научились проводить мероприятия ради «галочки», различного рода майданы. Много напускного, много шума… А ведь миссия культуры и искусства заставить душу трудиться, сопереживать. В противном случае мы деградируем.

ХОТЕЛИ КАК ЛУЧШЕ…

– За более чем 40 лет со времени создания Мамедкалинская художественная школа добилась заметных успехов, ваши воспитанники становились лауреатами многих международных, всероссийских и республиканских конкурсов. Твое мнение об уровне художественного образования в республике?

– Кузницей кадров всегда было Дагестанское художественное училище им. М.-А. Джемала, Дагестанское училище культуры и искусств. Их выпускники стали известными художниками, дизайнерами, модельерами, актерами дагестанских театров. Некоторые из них продолжили учебу на факультетах ДГПУ. Но слабым местом здесь остается подготовка педагогов для наших школ. В республике в последнее время появилось множество частных школ искусств, но они еще не на уровне – пока еще количество не перешло в качество. Самоокупаемость культуры это, образно говоря, самоокучиваемость картошки. После передачи школ искусств и художественных школ из Минкультуры под патронаж муниципальных властей ситуация ухудшилась, особенно с финансированием этих

учебных заведений. Хотели как лучше, а получилось как всегда.

И еще. Как воздух нужны квалифицированные искусствоведы. «Охлаждение» интереса молодежи к трудоемкой искусствоведческой науке, недостаток финансирования аспирантской учебы не позволяют активно использовать для этого творческие связи с крупными искусствоведческими центрами страны. На мой взгляд, Институт искусства, языка и литературы ДНЦ РАН мог бы стать центром и методологической базой для организации этой работы.

МУЗЕИ – ЭТО МОЯ «ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ»

– Гамзат, хочется перейти к любимой для тебя теме. Ты – автор концепций и дизайнер десятков музеев республики. Доволен ли ты сегодняшним состоянием этой работы?

– Главный вопрос, который мы ставим, когда создаем тот или иной музей, заключается в том, как соединить на одной площадке две линии – историческую и современную. Если в этом смысле рассматривать музейное дело, то сегодня с этим не совсем все в порядке. При создании музея мы должны уметь эффективно реализовать изначальную идею, замысел. Образно говоря, важно определить маршрут, по которому мы незримо будем вести посетителя. В этом заключатся мастерство дизайнера. Если это удается, то экспонаты, старые и современные, будут существовать гармонично. К созданию музея необходимо подходить образно: то есть, какие ассоциации возникают, когда ты обдумываешь концепцию музея.

Необходимо тектонически выгодно обыграть объемное пространство музея для его художественного обогащения. Важно использовать все имеющиеся в распоряжении дизайнера средства для того, чтобы увлечь посетителя и заставить его внимательно рассматривать все экспозиции. Это схоже с интересным чтивом: открываешь первую страницу и, увлекшись, уже хочешь дочитать его до конца. Все важно: и свет, и контраст, а порой и дисгармония. Надо добиться того, чтобы человеку, который пришел в музей, не было скучно. Это наша главная задача.

– Гамзат, а сколько у тебя музеев?

– На моем счету 12 музеев – как республиканских, так и ведомственных. Вне зависимости от их статуса стараюсь подходить к работе с душой. Именно так, к примеру, я ощущал себя при создании музеев рыбоконсервного комбината, министерств – сельского хозяйства и внутренних дел, ФСБ и т. д.

– А какую работу ты мог бы назвать своей «лебединой песней»?

– Это произошло четверть века назад, когда была выполнена одна из первых моих работ – музей Уллубия Буйнакского в Буйнакском районе. Мне искренне хотелось не только качественно выполнить заказ Правительства РД, но и отдать дань особого уважения этому мужественному и несгибаемому революционеру. Сегодня возникла необходимость пересмотреть концепцию этого музея, так как собрано много новых свидетельств Гражданской войны в Дагестане, в том числе в Темир-Ханшуре.

– А есть ли у музея свой язык, образ, особенности, а может – идеология?

– Несомненно. Именно такой подход я исповедую. Если хотите, это мой стиль, мой почерк. Мне самому неинтересно, когда по дизайнерской инфраструктуре музеи похожи друг на друга. Я родом из легендарного сел. Кала-Корейш Дахадаевского района.

Мне больно, что неоправданно затягивается создание здесь музея под открытым небом. А ведь этот музей мог бы реанимировать древнейший памятник мусульманской истории, архитектуры и прикладного искусства Дагестана. Думаю, что власти все-таки осознают особенный характер этого памятника и окажут помощь.

– Ты ощущаешь поддержку со стороны жителей того или иного населенного пункта или руководства ведомства, когда начинаешь новый проект?

– Без этого ни один музей невозможно было бы создать. В Хасавюрте был такой энтузиаст, учитель истории Драгобед. Он был влюблен в историю своего города, был истинным его патриотом. В работе над местным музеем он мне постоянно помогал, оставаясь вместе со мной до позднего вечера. Впоследствии он стал первым директором музея.

– Знаю тебя не один год, ты всегда был идеалистом. А много ли у тебя последователей?

– Ты хочешь сказать: людей не от мира сего, бессребреников? Знаешь, к счастью, много. Они создают музеи на собственные средства, чтобы оставить в наследство память об истории своего села, города, известных земляках, событиях и фактах с ними связанных. Эти подвижники не исповедуют «культ Золотого Тельца», они на самом деле идеалисты. Конкретный пример. В сел. Башлыкент Каякентского района энтузиасты хотят на средства джамаата создать музей. К сведению: их земляком является академик Нариман Алиев. Особенно отличился девятиклассник из этого села, который собрал и систематизировал огромное количество артефактов. В Ахтах целая семья на протяжении нескольких поколений занята подобной деятельностью. Хотя следует признать, что сегодняшняя молодежь все чаще берет в качестве примера для подражания совсем других героев.

– Знаю, как ревностно ты относишься к тому, если кем-то меняется твоя изначальная концепция. Чем тебя возмутила переделка Театрального музея в Махачкале?

– Этот музей был открыт 26 лет назад. За это время, как говорится, много воды утекло. Появились новые экспонаты, новые сюжеты. Никто с этим не спорит. Возмущает другое. Почему надо было делать все это так непрофессионально? Кстати говоря, я не одинок в этом мнении. На мой взгляд, этот музей надо создавать заново. И с этим предложением я хочу обратиться к министру культуры республики. Надо сказать, что в последние годы прослеживается тенденция агрессивного дилетантства, и это не только в музейном деле.

Мы живем в такое время, что все быстро меняется. Чтобы «перекодировать» людей, раньше уходили столетия, а сейчас – годы. Не стать манкуртами, не помнящими своих кодов, своих корней, нам поможет культура, и только культура…

ЛИХОЙ НАИБ И ГОСКИНО

Надпись на рукописи собственного сценария «Хаджи-Мурат»

Лихой наиб, в отчаянном бою
Давно срубили голову твою.
Покоится близ отчего предела
В могиле обезглавленное тело.

Но почему, хоть ты погиб давно,
Тебя еще боится Госкино?

Р. Гамзатов

Имя наиба Шамиля, отчаянного храбреца и неординарного по своему характеру героя периода Кавказской войны – Хаджи-Мурата, широко известно не только у нас в Дагестане и Чечне, но и в России, и далеко за ее пределами. Еще бы! Ведь гениальный мастер слова Л.Н. Толстой создал неповторимый образ Хаджи-Мурата, на основе которого другой русский гений Е. Лансере проиллюстрировал эту повесть.

В доперестроечное время известный грузинский режиссер Г. Данелия взялся за экранизацию повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Для начала работы над фильмом им в соавторстве с Р. Гамзатовым и В. Огневым был составлен сценарий, который он дал для рецензии известному в Дагестане знатоку истории Дагестана, доктору исторических наук, профессору, ученику А. Тахо-Годи Магомедову Расулу Магомедовичу.

К сожалению, фильм так и не увидел свет. Однако осталась рецензия-отзыв Расула Магомедова (светлая память ему!) на сценарий к фильму «Хаджи-Мурат». И мы не теряем надежды, что фильм о Хаджи-Мурате когда-нибудь будет снят, поэтому считаем замечания и пожелания ученого актуальными и сегодня.

Увайс Увайсов

ЗАМЕЧАНИЯ И ПОЖЕЛАНИЯ

…По поводу сценария могу высказать свое мнение лишь как историк – судить о сугубо художественной или профессионально-кинематографической стороне дела я не решаюсь.

Сильной стороной сценария является его стремление следовать тексту повести Л.Н. Толстого, где сценаристу удалось сохранить верность своему первоисточнику, и потому особых претензий нет.

Вполне понятно одно, что экранизация неизбежно связана с известным отбором (по критерию специалиста сценариста, разумеется) и введением каких-то дополнительных деталей.

Из деловых соображений я остановлюсь преимущественно на следующих моментах.

1. Необходимо следовать не только букве, но и духу Толстого. Писатель не только точно изложил ход событий с присовокуплением психологических портретов персонажей, он поражает достоверностью мельчайших деталей, точностью и «неслучайностью» ландшафтов, картин быта, утвари, интерьеров, одежды, даже жестов. Все это в целом создает впечатление невыдуманности, правдивости, и вряд ли есть еще примеры столь глубокого проникновения писателя-негорца в глубинный мир тогдашнего Дагестана.

Если постановщики фильма желают создать художественно ценное и достоверное произведение (а не «вестерн» в бурках и папахах), то они, вероятно, должны следовать тем же принципам.

Отсюда следует, что фильм должен сниматься только в Дагестане, ибо даже ландшафтные его кадры не могут быть случайны или нейтральны, не говоря уже об архитектуре или человеческих типах. Наш зритель помнит просчеты такого рода, когда различные студии страны брались за экранизацию дагестанских сюжетов. Считаю, что такие утверждения, как «горы везде горы» и т.п., – это глубочайшее заблуждение. Это признает любой, кому пришлось повидать горные ландшафты разных стран.

В этом смысле необходима более или менее длительная предварительная работа (в особенности для помощников режиссера) по поискам наиболее выразительных ландшафтов, аулов, типов, интерьеров и т.п. Малейшая недостоверная деталь (вроде шиферной крыши, антенны, замка-молния) может уничтожить доверительную эмоцию зрителя.

Проф. Р. Магомедов на Научной конференции «Имам Шамиль и его сподвижники», 1997 г.

С другой стороны, безупречной, в смысле наглядной достоверности, остается работа Е.Е. Лансере – его иллюстрация к «Хаджи-Мурату». Лансере, академик живописи, свои иллюстрации к повести Л.Н. Толстого осуществил с натуры, побывав в Дагестане.

2. Вызывают досаду многочисленные неточности в именах собственных. Значит, еще большую досаду следует ожидать в зрительном зале: «Абу-Панцал хан» – вместо Абу-Нуцала, «Альсиндер»(!) – вместо Асельдера, а также «мирдуш» – вместо «муршид» и т.п. Есть и ненужные архаизмы. За 100 лет изменились принципы транскрипции дагестанских слов, и теперь пишут (и произносят в русской речи) «газават» – вместо «хазават», «Баху-Бике» – вместо «Паху» и т.д. Кроме того, в русской речи допустимо имя «Кази-мулла», но ведь Хаджи-Мурат не знает этого языка, он скажет «Газимухаммед» (как и до сих пор называют в Дагестане первого имама), «аллилах» – явная описка вместо «ила-л-лах» («кроме Бога») и т.д.

3. Еще хуже неточности исторические:

С. 54: «Как только он (Шамиль) узнал, что Гамзат убит, он объявил себя имамом…» и т.д. Вряд ли Хаджи-Мурат мог так сказать. Шамиль не был самозванцем и не «назначал» сам себя имамом. Он был в сентябре 1834 года провозглашен имамом у горы «Арак-тау» близ аула Ашильта на сходе представителей восставших горцев.

С. 32: «… говорит по-аварски… Лорис-Меликов переводит». Прямых свидетельств о знании М.Т. Лорис-Меликовым (армянином) аварского языка мне не попадались, к тому же это маловероятно. Представители разных народностей Дагестана чаще всего (в I пол. XIX в.) объяснялись с иноязычным (в том числе с соседями) на кумыкском или азербайджанском (т.е. тюркском) или аварском языках. Скорее всего, и Хаджи-Мурат говорил в Тифлисе по-тюркски.

Некоторые утверждения нуждаются в проверке. Так, нигде не встречалось мне сообщение о мертвом осле, положенном якобы хунзахцами на могилу второго имама Гамзат-бека. Эта деталь сомнительна во всех отношениях.

Более известны другие версии гибели сыновей Баху-Бике. Абунуцал и Уммахан были приглашены в отдельную палату, где сидел Гамзат. Начались переговоры. Тут Гамзат под каким-то предлогом вышел и тогда, стоящая наготове команда мюридов дала залп по палатке. Может быть, режиссер боится, что это будет напоминать сцену из «Броненосца Потемкина» (расстреливаемых матросов накрывают брезентом), тем не менее не стоит отбрасывать эту версию.

Что касается гибели Булач-Нуцала, то он был казнен не сразу. Какое-то время его держали под домашним арестом, строго с ним обращаясь, а потом, заманив под видом купания на реке, тайно утопили. Впрочем, это версия. Может быть, ради художественной выразительности можно оставить то, что в сценарии.

4. Киноэкран имеет способность «увеличивать» не только визуальные, но и историко-бытовые детали. Т.е., то, что в тогдашней жизни выглядело незначительным моментом, на экране может разрастись до характеристики. С этим надо считаться. Например, Хаджи-Мурат обещает наместнику Кавказа Воронцову верно служить белому царю и бороться с Шамилем до последней капли крови. Вероятно, что-то подобное и было им сказано в 1852 году. Но в те времена это была этикетная формула. Даже письмо, полное упреков и обвинений, обычно заканчивалось: «примите, милостивый государь, уверение в совершенном к Вам почтении и преданности, готовый к услугам (имярек)». Но большинство современных зрителей, не зная этого, поймет все слова буквально. Не рискуем ли мы, сохранив эти слова повести, исказить ее дух?

Шамиль въезжает в Ведено.
Е. Лансере

Нукер (правильно было бы сказать «мюрид») Хаджи-Мурата «легкий человек» Хан-Магома просит у Лорик-Меликова папиросы, рассказывает о своем жульничестве в азартной игре. У Толстого так оно и есть. Но современный зритель будет ассоциировать это с нынешними безнадзорными подростками, клянчащими у прохожих сигареты и играющими на деньги. Если затем он перенесет такое представление на воинов-мюридов XIX в., то это будет, очевидно, неправда.

Может быть, надо как-то по-другому расставить акценты или дать эпизоду какую-то содержательную определенность (через сопоставление или еще какое-либо)? В конце концов, обязателен ли он? Ведь этого могло и не быть. У Шамиля существовал на этот счет строгий запрет.

Неприязненные замечания и высказывания Хаджи-Мурата о Шамиле, а также о русских («русские собаки» и т.д.) рассеяны по всему тексту и фактически тут не к чему придраться, принимая во внимание их отношения в 1851 г. Да и сам Л.Н. Толстой недолюбливал Шамиля (хотя и отдавал ему должное). Делал он это, исходя из своих морально-философских воззрений. Но мне, как историку, представляется, что фильм так или иначе будет влиять на формирование исторических представлений наших современников. С этим нельзя не согласиться. В таком случае допустимо ли возвышение одного исторического лица за счет унижения другого, бесспорно, достойного? При нынешних попытках нашей общественности восстановить истину о событиях 20-50-х гг. прошлого века на Кавказе, какую роль будет играть такая односторонность? Так ли уж обязательны частные,

неприязненные, неуравновешенные и нескорректированные реплики в адрес Шамиля?

5. Было бы крайне досадно, если бы конфликт между Хаджи-Муратом и Шамилем, бывший для Толстого «личностным» и «деспотическим» началом, а для историков самым драматическим выражением кризиса в освободительном движении горцев, превратился бы в фильме в простое последствие обычнейших интриг около власти. Это погубило бы всю идею повести Л.Н. Толстого, а фильм превратился бы во второстепенную и «необязательную» экранизацию, каких у нас, к сожалению, слишком много. Исчезла бы общечеловеческая трагедия, которая делает повесть интересной для многих тысяч, даже и не знавших до того ничего о Кавказской войне.

Каким бы хотелось видеть Хаджи-Мурата на экране?

Нам кажется, что оттолкнуться следует от повести Л.Н. Толстого. Она начинается одним и тем же – описанием репейника – «татарника», растения не для букетов, отчаянно боровшегося за свою жизнь и под рукою человека, и под лемехом плуга. Л.Н. Толстой: «Какая, однако, энергия и сила жизни! Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь!»

Просто удивительно, что такой ключевой и к тому же «кинематографический» момент оказался вне сценария! Верность каким-то глубинным законам, отчаянное противостояние заведомо превосходящим враждебным силам – вот черты, которые, по признанию самого Л.Н. Толстого, общи цветку «татарника» и выдающемуся герою движения горцев, и которые заставили писателя взяться за перо.

Если бы их не было – не было бы и повести; если их не будет в фильме, он останется холостым выстрелом. Именно из-за этой сути Толстой выбрал своим героем Хаджи-Мурата, а ведь мало ли было, казалось бы, лихих героев и впечатляющих эпизодов в первой половине XIX в. на Кавказе.

В самом деле, если не учитывать этой сути и поверхностно смотреть на «голые факты», то Хаджи-Мурат выглядит фигурой малосимпатичной. Участвуя в трагической национально-освободительной войне, он дважды выступает против имамата, Шамиля, дважды против его врагов и дважды на стороне Шамиля, на что у него были свои личные мотивы. Его военная компетентность и отвага несомненны, но это не моральные категории, т.к. они одинаково могут служить и добру и злу. Может быть, это один из беспринципных кондотьеров – «рыцарей удачи», каких немало было в истории? Но тогда чем же такая фигура могла так сильно заинтересовать и тронуть Л.Н. Толстого, вызвать у него столь недвусмысленное сочувствие? Ведь Толстой прекрасно знал все детали его истории, изучив ее добросовестнее многих исследователей и будучи сам очевидцем и участником войны на Кавказе? В чем суть дела?

Присмотримся к Хаджи-Мурату внимательнее. В самом деле, для обычного перебежчика – «переметной сумы» – побуждения и поведение его необычны. Причиной их была не корысть (материальные блага всегда были для него средством, а не целью), не личное честолюбие (к верховной власти Хаджи-Мурат не стремился никогда, даже произнося свою роковую реплику о том человеке после Шамиля, «чья шашка острее»), да и риск своею жизнью был для него обычным условием его существования.

Дело, очевидно, в каком-то постоянном моменте его жизни, остававшемся неизменным на всех поворотах его переменчивой судьбы. Это некий моральный идеал, настолько общий и естественный, что другие обязывающие моменты (будь то воинский долг службы, нормы религиозной организации и т.п.) выглядят в сравнении с ним частными и второстепенными.

Неотступное следование ему морально оправдывает Хаджи-Мурата в его конфликтах и с русскими (людьми присяги), и с окружением Шамиля (людьми тариката). Это же, как нам кажется, делало Хаджи-Мурата интересным для Толстого с его тягой к «всечеловеческим», естественным моральным ценностям. Что же за моральный идеал, следуя которому, герой готов потерять благополучие, семью, родину и, наконец, жизнь?

Как нам кажется, это представление о неотъемлемом достоинстве личности, которым человек не должен поступаться никогда, которое он обязан защищать любой ценой (включая жизнь). Иначе, если он оступится от этого, его ждет моральная смерть при жизни, а она – хуже физической. Дабы сохранить это достоинство, человек должен неотступно следовать нормам весьма определенным. Они, как и само представление о моральном идеале, выработаны

поколениями горцев. Это – своеобразный момент традиционной психологии. Получается, что личность есть ценность непреходящая и в этом смысле она выше ценностей временных, определяемых моментом и стечением обстоятельств. Личность не может быть средством их достижения, в противном случае она сознательно выбирает гибель (т.е. жертвует собой ради сохранения своего достоинства, своей воли). Говоря современными терминами, это своеобразный горский персонализм.

Но здесь нужно заметить, что он не имеет ничего общего с индивидуализмом печоринского типа. Нормами его являются не индивидуальные (и произвольные) представления субъекта, умирающие вместе с ним, а традиционные нормы, выработанные целыми поколениями народа и сохраняемые им как моральный ориентир. Как нам кажется, в этом секрет популярности Хаджи-Мурата, отраженной в историческом фольклоре. Казалось бы, вражда с признанным героем и вождем – Шамилем – должна была бы очернить Хаджи-Мурата. Между тем мы видим обратное. Он – признанный герой исторических песен, не уступающих в популярности песням об удачливых молодцах – предводителях набегов. Он ставится выше их. А с народной оценкой следует считаться. Тем более интересно ее совпадение с оценкой классика мировой литературы Л.Н. Толстого в повести «Хаджи-Мурат», к тому же представителя совсем другого народа. Может ли это быть случайным? Не вернее ли предположить, что такое совпадение идеала достоинства личности с народной моралью (без сползания к пошлому индивидуализму – вседозволенности сильного) должно было заинтересовать писателя и мыслителя Л.Н. Толстого?

И вот здесь мы сталкиваемся с важным моментом, который в наши дни приобретает неожиданную актуальность, что оправдывает его разработку именно в киноискусстве – современном и массовом. Сейчас много рассуждают и в литературе, и в публицистике о трагедии идеала (морального и общественного), который может быть использован для прикрытия самых неблаговидных дел. В пример приводят христианство, начавшее проповедью человеколюбия, а кончившее инквизицией; ссылаются и на французскую революцию, начавшуюся с лозунга «Свобода, равенство и братство», но пришедшую к бессмысленному террору и личной диктатуре; вспоминают и другие исторические примеры. При этом те, кто об этом пишет, часто ставит вопрос и поисках какого-то «противоречия», которое не дает превратить идеал в инструмент угнетения. С этой стороны история Хаджи-Мурата вызывает самый современный интерес. Герой готов жертвовать (и неоднократно жертвует) всем ради общественных интересов, но при этом ни за что не поступается личным достоинством, не допустит, чтобы им жертвовали по своему усмотрению другие, не согласится никогда на роль чьего-то орудия, на отказ (ради чего бы то ни было – присяги, веры, благ) от собственной сознательной воли.

Может быть, в этом и есть какая-то страховка от антигуманистического перерождения идеалов? Очевидно, что здесь попытка ответа на острый современный вопрос, и фильм должен во что бы то ни стало сохранить его и донести до массового зрителя.

Теперь необходимо сказать о другой крупной фигуре экранизации – о Шамиле. В трактовке его на экране два момента представляются нам главными: 1) это самая крупная личность, противостоящая Хаджи-Мурату; 2) это крупная фигура реальной истории Кавказа XIX века.

Сначала о первом. Было бы очень просто, если бы Хаджи-Мурату противостоял «абсолютный антипод» – воплощение зла и ничтожества. Но у Л.Н. Толстого иначе: антипод Хаджи-Мурата не уступает ему ни в масштабности, ни в отваге, ни в слове, ни в уме… Главное и существенное отличие в том, что Шамиль взял на себя громадную ответственность за руководство движением горцев Дагестана и Чечни…

Тем самым он связал себя, отныне он вынужден постоянно поступаться своей личностью. Теперь он не может вполне следовать национальному идеалу – он так или иначе должен отступать от него по долгу имама-руководителя, в интересах движения (как он сам их понимает). Пример, захват заложниками членов семьи Хаджи-Мурата – ни в чем не повинных женщин и детей; жестокие наказания некоторых из них, шантажирование Хаджи-Мурата угрозами расправы над ними. Невиновность и безвредность их, без сомнения, была ясна Шамилю, тем не менее «высшие интересы» оправдывали в его глазах эту акцию и многие другие. Конечно же,

подобные отступления от идеала добра и моральные компромиссы не проходят бесследно – в той или иной степени они постепенно деформируют и личность, и движение, и цели (что и подтверждается историей имамата). Для Л.Н. Толстого моральная сторона пути, избранного личностью, была главной. Отсюда и его нелюбовь к Шамилю, и сопоставление его с Николаем I. Так, жертвование людьми даже во имя самой благородной цели, было в глазах писателя делом совершенно недопустимым, антигуманность его обесценивала любые достижения и победы, достигнутые такой ценой.

Здесь мы подходим к другой важной стороне. Отдавая должное гуманизму Толстого, его идеалам, мы, тем не менее, не можем забывать, что речь идет не о вымышленном литературном персонаже, а о реальной и значительной исторической личности, оказавшей заметное влияние на ход истории не только на Кавказе, но в Европе и на Востоке. Невозможно не считаться с воздействием фильма на формирование исторического взгляда зрителей, особенно сегодня, когда общественный интерес к Шамилю как герою национально-освободительного движения XIX в. весьма высок, а в наши дни еще больше увеличивается… Между тем, сценарий совершенно не отразил смысл исторических событий… Мюриды ни с того, ни с сего вторгаются в Хунзах, коварно убивают молодых ханов, а затем и их мать, Шамиль – инициатор жестокой казни 14-летнего Булача и т.д. Да и смысл борьбы с русскими не очень-то ясен. Видны лишь ее жесткие и плачевные последствия. Возможно, для Толстого это было естественно и объяснимо, но в фильме, адресованном нашим современникам, вряд ли.

Мы считаем совершенно необходимым провести классовый подход, дать классовую оценку событий (какими средствами – это виднее режиссеру). Во-первых, надо дать понять зрителю, что жестокость расправы над ханшей и ее сыновьями – это закономерное следствие предшествующего произвола самих ханов, а не беспричинное зверство мятежных горцев. Во-вторых, надо дать понять зрителю, что враждебное отношение Хаджи-Мурата к царской армии и власти вообще определялось не только плохими манерами офицеров, с которыми он встречался в Тифлисе, сопровождая Умма-хана. Причины были гораздо более серьезными. По тексту видно, что сценарист знаком не только с повестью Толстого, но и с черновыми заметками, – в них можно найти весьма выразительные примеры жестокости колониальной войны, которую вела царская армия (писатель их собрал). Надо найти средства и способы показать национально-освободительный, оборонительный характер борьбы горцев и этим скорректировать историческую перспективу фильма.

Считаю совершенно обязательным участие в работе над фильмом местного консультанта-историка, профессионально компетентного в событиях первой половины XIX в. в Дагестане. Это в какой-то мере может застраховать фильм от крупных искажений исторической перспективы и от погрешности в показе реалий быта, отношений и т.п. (словом, от «киноклюквы» на кавказский лад). Считаю, что в нынешнем своем виде сценарий не содержит гарантий от подобных опасностей.

Магомедов Расул Магомедович,
доктор исторических наук, профессор

1891 F. Roubaud

Штурм аула Гимры
Франц Рубо

Светлана Анохина

НАПИСАННОМУ ВЕРИТЬ

Когда в тысяча двадцать первый раз приходится рассказывать, как начался проект «Был такой Город», из чего он вырос, я уже не страдаю, экая, мэкая и мучительно подбирая слова, а выдаю однажды найденную формулу, которая оказалась максимально честной, краткой и ясной. «Из жадности, – произношу я, – из лютой журналистской жадности». И это совершенная правда.

Именно эта жадность заставила в свое время нас с Полиной Санаевой искать, куда бы пристроить куски разных интервью, не вошедшие в утвержденный и опубликованный текст. Их объединяла тема – наш город. Их объединяла тональность – нежность и светлая грусть. Их объединяло даже время – то, которого не застали ни я, ни Полинка. А еще их объединяло то, что они должны были сгинуть, пропасть, затеряться в журналистских наших архивах, хотя были абсолютно прекрасны. Но в серьезном интервью с политиком или спортсменом были совсем неуместны воспоминания о голоногом детстве, о злющей соседке, которая вечно орала на пацанов, играющих в альчики под ее окном, о драках район на район и о самой красивой девочке двора Юльке, с бантами в тощих косичках.

Тогда и был придуман «Город», куда все это идеально легло. Точнее, поначалу казалось, что идеально. Безотходного производства не вышло – не с нашим счастьем. Через 8 лет обнаружилось, что и «Был такой Город» всего не вмещает. Что из каждого интервью тоже приходится вырезать куски. Это истории, не имеющие отношения к тому городу, о котором мы пишем, а часто и к самому рассказчику не имеющие прямого отношения. Но все они прекрасны. Короткие, практически не обработанные (расшифровывая диктофонные записи, мы старались сохранить авторскую интонацию, даже без крайней необходимости не меняли слова местами), иногда косноязычные и обрывистые – они о времени, о стране, о судьбе.

Что из всего этого выйдет, еще непонятно. Может быть, и новая книга. Но пока мы публикуем эти отрывки как есть. Не адаптируя, не поясняя, не называя рассказчика. В общем, не делая всех тех будто бы обязательных для журналистики телодвижений, якобы призванных помочь читателю разобраться, – на самом же деле говорящих лишь о высокомерном к нему отношении и преступно упрощающих волшебную и сложную вязь жизни.

* * *

Беликовы были из Пятигорска, жили они там бедно. Дед Даниил, чтобы семью прокормить, доставал соль, но сам не продавал, поручал жене, моей бабушке. Мол, ты баба, да еще и беременная, пожалеют. Не пожалели. Поймали и посадили – хоть трижды беременная, какая им разница? Там, в тюрьме, она и родила дочку Веру. Дед Даниил, когда жену взяли, из Пятигорска уехал быстро в Дербент, а мой папа и его младшая сестра остались одни, и их определили в детдом. И эта девочка за полтора года в детдоме так отвыкла от матери, что когда ту освободили, с ней уйти не захотела. Тем более, там одна нянечка, в детдоме, сильно к ней душой прикипела. И бабушка поехала в Дербент, искать мужа своего, деда Даниила. Нашла. Но он уже оказался женат. Новая жена его была староверкой, очень набожной женщиной, сказала бабушке: «Забирай его, я не знала, что он женат». Но та не согласилась – гордая была, и уехала с маленьким дитем на руках обратно. Все хотела забрать дочку, что осталась в детдоме, но не успела, погибла. Спекулировала солью – жить как-то надо было; поехала в Тырныауз, и по дороге автобус сорвался в пропасть, и она погибла.

А с той девочкой, что в детдоме осталась, с теткой моей, такая история была. Когда уже война началась и немцы заняли Пятигорск, они у этих детдомовских детей выкачивали кровь для своих раненых. Когда отступать стали, вывели деток на расстрел. Дали по конфетке и расстреляли. А четверых, в том числе и мою тетку, нянечка та самая спрятала, закидала матрацами, и они остались живы. Тетка прожила до 80 лет и до самой своей смерти не могла смотреть фильмы о войне.

* * *

Наша воспитательница Варвара Алексеевна часто собирала нас в беседке. Сама восседала в центре, а мы вокруг неё. И начинала что-то говорить, а завершала такой фразой – «Детки у вас у всех по две конфетки, а у меня ни одной», после чего мы стыдливо протягивали свои рученьки и передавали ей по конфете. Однажды я сказал: «Варвара Алексеевна, теперь у вас много конфеток, а у нас по одной». Это было уже тогда, когда нам было по семь лет и нас готовили к отправке в школьный детский дом. После чего наша Варвара Алексеевна быстро закончила беседу, и больше я не помню, чтобы она нас собирала на свои беседы в этой беседке.

Помню еще один эпизод из хасавюртовского периода. Когда умер Сталин, мимо нашего детского дома шла большая процессия. Мы все прильнули к металлическому забору и смотрели. Шли люди, много людей, несли портреты Сталина, обрамленные черными лентами; на рукавах у многих были черные повязки, многие плакали. Кто-то из ребят первым выкрикнул: «Сталина хоронят», и мы все, как по одной команде, стали кричать: «Сталина хоронят, Сталина хоронят!» Хотя, конечно же, никто из нас так и не увидел гроба. Но тогда нам казалось, что Сталина хоронят именно в Хасавюрте. Мне в это время шел шестой год.

* * *

У деда с бабушкой дочка родилась. И вдруг сильно начала болеть. Так бабушка хотела отвезти ее к Соломониде – своей маме, моей прабабушке. А муж не разрешил – боялся, что если она уедет, то уже не вернется. И повез девочку сам. И вот, представляете, в те годы, из Дербента в Волгоград на поезде, да с больным дитем. Он набрал с собой пеленок, и вот он эти пеленки ей менял да выкидывал. Попутчица там была, добрая такая русская женщина, разговорились, и она спрашивает, почему он без жены. А он не хотел признаваться, что не пустил ее, и говорит: «Она умерла». Женщина ему говорит, что пеленки бы стирать надо, а он: «Я не умею». Та говорит: «Отдавай мне тогда, я постираю и себе заберу». Нищета ведь была. Доехал, девочку там откормили, поправилась она.

* * *

Сейчас расскажу еще историю. Это еще война не закончилась.

Было где-то там у них собрание, была там одна, вернувшаяся с фронта экс бб. Ее то приглашают в президиум, то куда-то посылают. Дедушка парткому и говорит: «И вот эту вот экс бб туда посылаете?» Для него это был тихий ужас. На него написали донос. Бабушка рассказывала, как к ним пришли домой, все перерыли. В сарае разобрали всю поленницу, искали в дровах бумаги какие-то. Бабушка им говорит: «Вы мне только скажите, что вы ищите, я вам сама отдам». Перины все вспороли. Словом, его посадили, объявили врагом народа. Поехала бабушка к нему в Волгоград, в тюрьму. Ей там говорят: «Если хочешь остаться живой, больше здесь не появляйся». И она уехала. А бабушкину сестру, Костенко Анну, из комсомола тут же исключили. Она так плакала! Говорила: «Я-то каким боком? Это моей сестры муж!»

А дед писал – писал не Сталину, а Калинину. Дедушка был очень умный, грамотный, знал, что никоим образом легко не выкрутится. И он нашел причину, «мотив»: что он там был единственным представителем малочисленного народа, и его притеснили. И этот «мотив» сработал, его освободили. И как мне рассказывала бабушка с его слов, тогда по телетайпу ночью приходили все эти приказы: арестовать, освободить… В тюрьму такой приказ тоже пришел ночью. К нему в камеру зашли в два часа ночи и говорят: «Сафаралиев, ты свободен». Дедушка говорит: «Куда ж я ночью пойду, я до утра побуду?» Ему говорят: «Куда хочешь иди, освобождай камеру». И буквально вытолкали его в ночь. И он под порогом тюрьмы ночь пережидал, боялся – время было неспокойное, бандитизма хватало.

* * *

И когда началась война, у него оказалась бронь – видимо, это такая должность была. Жили тяжело – бессребреники тогда ведь все были. Приедет с одного колхоза (а уезжал надолго, на сутки, на бричках ездил), привезет зерно колхозное, подписанное. А бабуля у него стащит маленький мешочек, перемелет в муку – ну война же, есть хочется! Он так ругался! «Ты что делаешь?!» – кричал. Она смеется: «Ничего страшного!»

* * *

У дяди Федора с тетей Леной детей не было. Характер у нее был просто чудесный, все их родственники говорят, что у них в роду был один ангел – это тетя Лена. Как-то тетя Нюта рассказывала, что взяла у Лены новое белое платье на какое-то мероприятие, а обновки тогда – это такая редкость. Так вот, она сначала нечаянно его испачкала, а потом и вовсе зацепила гвоздем и порвала. Ей было стыдно, она пришла и у тети Лены где-то тихонько это платье положила. Так тетя Лена никогда ни слова ей об этом платье не сказала – как будто и не было ничего.

Потом он, как и все, ушел на войну, а тетя Лена осталась его ждать. И через несколько лет приходит ей письмо с фотографией, где муж ее с другой женщиной снят. В письме пишет женщина, что теперь она жена Федора, что она красивая и молодая, родит Федору детей (а тетя Лена ведь не смогла ему родить), что тетя Лена будет жить у них в доме и нянчить их детей, на правах домработницы.

В это же время она получает письмо и от Федора, где он пишет, что любит, скучает, что отправляет ей уже вторую посылку. А она не получала ни первой, ни второй посылки, и думает, естественно, что он ее обманывает. И она, тетя Лена, сошла с ума. Заболела совсем и очень скоро умерла. А через три часа после ее смерти приносят эти обе посылки сразу – почта тогда так работала. Все подумали, приди эти посылки вовремя, может, она бы осталась жива, может, у нее оставалась бы какая-то надежда.

* * *

Дядь Миша рассказывал, как в Германии, до которой он дошел, попал он в какой-то подвал – поссать захотел. А там немцы, и все пьяные. Спрашивает, где туалет. Никто не говорит. Он тогда залез под стол и прямо на ковер и нассал. И катушку эту свою дальше попёр – связь держать же надо.

Когда он уже пришел с фронта, ему понравилась Маруся – жила у нас во дворе сирота одна, красивая была! А он тоже был видным мужчиной, такой бравый офицер! Он на Марусе женился. Из Германии он какое-то тряпье привез, так что одел он ее очень даже хорошо. Жили они прилично по тому времени, у них и свиньи, и коровы были. А потом его опять вызвали в Берлин, а Маруся осталась жить в их доме. Но как-то ее невзлюбили свекор со свекровью. Она взяла и ушла из дому. А свекор сыну написал, что жена его гуляет с вояками. На Чернышевской, дальше 13-й школы, в сторону площади стояли царские еще казармы – Лорийские казармы, и там военные жили.

Когда дядь Миша опять вернулся, Маруся маму мою к нему послала. Мама к нему подошла и говорит: «Маруся тебе записку передала. Ответ будет или нет?» Он говорит: «Ответа не будет!»

Потом этот Миша женился на другой. Не беднячку, а богачку взял. Которая на Вузовской имела свой дом.

Но, когда он умирал, позвал маму мою и попросил найти Марусю. И мама поперлась по всем почтам – не знала, где ее искать. Нашла в итоге. Жила Маруся на улице Пионерской, ей дали домик от почты, замужем она была. Мама Михаила просьбу передала, Маруся пошла. Пришли они в этот дядь Мишин дом, она там упала на колени, а он так плакал и говорил, что любил ее всегда и до сих пор любит. Всякое в жизни, девочки, случается. Жизнь прожить – не поле перейти, и замуж выйти – это большая лотерея. А кто берет замуж бедных? Все берут богатых.

* * *

Бабушка рассказывала, что, когда они были во время войны в Сталинграде, там у них были бахчи. Арбузы огромные, тыквы размером с колесо телеги – их только и можно было перекатывать. Говорит, что здесь, в Дербенте, она такого не видела. И вот они соберут эти арбузы с бахчи, а мимо солдатики – то ли штрафники, то ли кто, но под конвоем вроде бы. А бабушка жалостливая была. «Смотрю я на них, – говорит, – и думаю, а может, он завтра умрет?» И все пыталась поделиться с солдатами арбузами. А у тех глаза голодные, но брать не могли, разве что по-воровски, исподтишка. В итоге бабушка себе несколько арбузов оставит, а остальное раздаст. Иногда приходит раненый, принесет рубашку драную, просит поменять на кусок хлеба. Бабушка его накормит, обстирает, от вшей избавит. Однажды пришел солдат молодой, но весь уже белый, седой. Рассказал, что их заставляли расстреливать пленных, а они не смогли. Тогда руководство распорядилось, чтобы пленные закапывали тех, кто в них отказался стрелять, живьем. Остановили только, когда земли уже было по плечи. Наутро он проснулся седым.

* * *

Крестную мою и ее мужа в апреле 1941 года послали на Западную границу. Крестная пришла и сказала моей маме: «Аннушка, пусть Тамарка у тебя обедает, и присмотри за ней». Больше Тамара мать и отца не видела. Школу она окончила в 1941 году. А в 43-м она ушла на фронт, пришла к нам прощаться, а мама моя говорит: «Тамара, зачем ты уходишь? Я тебя пристрою на работу куда-нибудь». Она и говорит: «Чем с голоду умирать, я лучше на фронт пойду». Что с ней стало, не знаю я. Шулебина ее фамилия была. Шулебина Тамара.

* * *

Однажды нас обокрали. Всё забрали! Постели, а у матери постель всегда была очень хорошая, и даже посудину, в которой кашу варили, – вот так обтерли сажу и забрали. Мать пришла с работы, нас с яслей привела, а тут такое. Что делать? Соседи дали какие-то старые фуфайки. Мать затопила печку, нас к себе прижала – так мы и проспали эту ночь. А утром мама пошла к бабушкам Куликовым плакаться. Бабушки, не знаю из какого кармана, вытащили золотой николаевский и сказали: «Иди, купи, что нужно. Только неси этот золотой на продажу к евреям-ювелирам, там получишь нормальные деньги». Мать и пошла. На следующий день у нас было все – и постель, и все остальное. Но главное, что обидно, обокрал отцов товарищ, тоже фронтовик – только папа погиб, а тот вернулся. Мама так плакала! Ведь всё сразу узнали, кто украл. Но она не сделала ничего, в милицию не пошла. А матери того, кто нас обокрал, перед нами было стыдно очень, и она нас всегда потом бесплатно пропускала на сеансы в кинотеатр «Комсомолец» – она там билетёршей работала.

* * *

Еще одну историю расскажу про любовь. В детском саду у нас работала воспитательница Надежда Ивановна. Она на фронте была, но нежная такая, красивая-красивая, небольшого росточка, с большими косами вокруг головы. Она еще нас, девочек, в детсаду учила правильно рейтузы надевать. Посадит нас и показывает: вот так надо, а задом наперед не надевайте. И вот однажды идем мы по Вузовской в Вейнеровский сад, а рядом дорогу пленные мостят (те русские, что у немцев в плену были), колючей проволокой закрыто все, а наверху автоматчики сидят. И там она увидела своего офицера, с которым из окружения выходили. Он буквально выталкивал их в узкий такой проход, а сам контуженный попал к немцам. Она его узнала, а охранник кричит: «Уйдите или стрелять буду!» И тут мы, вся группа, хором как начали плакать! А она кинулась на эту проволоку, и они с ним тоже плакали.

Потом Надежда Ивановна узнала, что их держат в бараках в 4-м или 5-м поселке; и вот они с мамой борща наварят, соберут все и ему относят. А он со всеми делился. Надежда Ивановна от него девочку родила, Людочку. Мы с мамой ходили их из роддома забирать; помню, как печку топили и купали Людочку. Но у него была жена в Москве и, когда его освободили в 53-м или 54-м году, он туда уехал. Сказал жене про Надю, про Людочку, сказал: «Если бы не эти люди, то, может, я от туберкулеза бы и умер в этом Дагестане». И жена не стала скандалить. Людочка к нему и в Москву ездила, он ей прислал сюда пианино, она училась музыке.

* * *

И у нас было пианино. Бабушки Куликовы подарили. Мама вызвала учительницу из музыкального училища, та послушала нас и говорит: «Анна Павловна, у твоих детей слуха нет. Поют про себя». Мы решили пианино продать, но надо его было настроить. Мать пошла на Горку, где маяк, там тюрьма, и в ней пленные немцы. Ей дали под расписку настройщика. Она идет, его ругает, а он говорит на русском чистом: «Фрау Анна, ты чего ругаешься? Я такой же, как ты. Наш Гитлер и ваш Сталин – это два родных брата. А я такой же простой, музыкант, настройщик. Меня затолкали в эшелон, у меня тоже дети, и жену мою тоже Анна зовут. Говорят, что в 53-м нас отпустят». Мать его привела, он пианино настроил, и надо немца назад вести. Мать ему борща с фасолью отдала кастрюлю целую, буханку хлеба положила. Потом пошла к соседке, которая на мясокомбинате работала, купила у той колбаску и повела немца обратно в тюрьму. А там его все ждут, а у него сумка с борщом, хлебом и колбасой. Мать им кричит: «Вы мне кастрюлю хорошо помойте!» А кастрюля вся в саже была! И они так отмыли, что практически новую кастрюлю принесли!

* * *

У нас до сих пор остался в отцовском доме кувшин, где мама масло сбивала. И я садился, сбивал – это была моя работа. За 30 минут можно было сбить масло. Надоили, например, вечернее молоко, шесть-семь литров в эмалированном тазу, утром с него снимаешь сливки в баночку. И так за пять-шесть дней набиралось достаточное количество сливок. А тогда ведь еще холодильников не было, а мы вырыли колодец во дворе, метров 12 глубиной, и в колодец спускали эти банки. Так и жили. А там, где красные дома, за железной дорогой, там стояли вагоны, старые-старые, которые уже не ездили, штук 40. В них жили беженцы. Эти люди с торбами ходили по домам, по всему Дербенту ходили, просили хлеб. Деньги не просили, только хлеб: хоть черствый, хоть с плесенью, хоть какой.

* * *

А сколько вдов тогда осталось, ужас! Вся Махачкала была полна вдовами. И Ведерникова, и Ельникова, и Лизина – это мамины подруги, которые вдовами остались. И они на 8 марта собирались и плакали. А были все очень красивыми женщинами! Я до сих пор помню их блузки красивые.

* * *

У мамы подруга была – тетя Надя. С ней мама и бежала из Нижнего Новгорода в Керчь от голода, одни, без родственников – родственников всех их раскулачили в 1933 году. Им еще предлагали вступить в комсомол, они не вступили. И оказались в Керчи. Жили у теть Надиного брата, он ходил в море до войны, работал на торговых судах. У него был домик и жена Соня. Так они этой Соне даже голову мыли – только, чтобы она позволила им жить при домике во времянке.

* * *

Отца забрали на фронт в 1942 году, в 41-м на нем еще бронь была – он в госпитале работал, который в 14-й школе располагался. Это потом уже не разбирали, где врач, где зубной техник, – всех под одну гребёнку и … в санитарный поезд! У мамы было маленькое обручальное колечко, а у отца побольше, и когда отец уходил, он кольцо снял и говорит: «Может, пригодится. Продавай все, если надо будет: и костюмы, и платья, и кольцо». Только мать его не продала, сохранила, а я из него сделала зубы в 60-х годах.

* * *

У меня была дурацкая привычка. Если шла похоронная процессия, я шел за ней. Я поднимался на бордюр, посмотреть на покойника, как он выглядит. Но больше меня интересовал оркестр. Я шел за ними до конца, мне становилось так грустно. Если встречалась еще одна похоронная процессия, за ними я тоже шел. Я это очень тяжело переносил, впечатлительный был. Помню, как на Рыбацкой кто-то умер, – Чабановский, кажется. Попал я к ним на похороны, а они наняли плакальщиц. Бабки сидели, плакали – по стакану вина им дадут, и они заводят: «У-у-у-у-у-у-у!»

(Продолжение следует)

Ахмед Муртазалиев

Турецкий мир Ахмедхана Абу-Бакара

Художественное осмысление явлений восточной действительности, органичной частью которой является и турецкий мир, в дагестанской литературе имеет давние традиции. Еще с XIX века турецкие мотивы, подвергнутые национальной адаптации, подчиненные эстетическим нормам и этнопсихологическим закономерностям дагестанского словесного искусства, широко внедрились в мир словесного искусства национальных авторов.

На современном этапе своеобразное звучание турецкая тема получила в творчестве Ахмедхана Абу-Бакара, в частности, в его путевых заметках «Частная поездка», сюжетную основу которых составляют воспоминания писателя о поездке в эту страну в конце 1989 – начале 1990 года.

Путевые заметки А. Абу-Бакара содержат лаконичную, вместе с тем экспрессивно оформленную многообразную информацию о турецкой действительности. Это была вторая поездка писателя в соседнюю страну, что также наложило отпечаток на его восприятии и оценках окружающего мира. На содержание путевых заметок, характер и стиль описания путешествия огромное влияние оказала и сама эпоха, в которой состоялась поездка. Она проникнута духом и дыханием этого бурного и тревожного времени – времени кардинальных перемен не только в нашей стране, но и во многих странах мира, в том числе и в Турции. Буквально несколькими годами раньше, чем в нашей стране, после военного переворота в 1980 году, здесь под руководством президента-реформатора Тургута Озала начались масштабные экономические реформы, затронувшие все слои турецкого общества. Эти реформы дали хорошие результаты, позволившие вскоре заговорить о «турецком экономическом чуде».

А в это время наша страна, вступившая на путь перестройки, демократии и гласности, столкнулась с большими трудностями в реализации политико-экономических и социальных задач. Пустые полки магазинов, огромные очереди по всей стране за самыми необходимыми товарами, проблемы с выплатой заработной платы, отсутствие свободного обмена иностранной валюты и многое другое – все это олицетворяло жизнь населения СССР в тот период. Эти и другие явления современного мира определили в какой-то степени характер и восприятие автором той действительности, в которую он в качестве пилигрима окунулся 22 декабря 1989 года и вышел из нее в начале января 1990 года.

Путешествие, начавшееся с Махачкалинского железнодорожного вокзала на фирменном поезде «Дагестан» и завершившееся в Москве на Киевском вокзале длилось недолго, всего каких-нибудь восемнадцать – двадцать дней. Однако в результате этой короткой, но насыщенной событиями, впечатлениями поездки писатель возвратился домой с несколько скорректированной жизненной философией, с иными оценками окружающего мира и в первую очередь той действительности, в которой он сформировался как гражданин и писатель.

Путевые заметки А. Абу-Бакара композиционно разбиты на семь маленьких рассказов, в названиях которых сформулирована основная идея каждого из них: «Трудная дорога в Стамбул», «Перед нами во всей красе Стамбул», «У гостя, говорят, золотая печать на спине», «Венец Гранд-Базара – золотой купол», «В ожидании солнца над Стамбулом», «Встреча с дочерью Сабахаттина Али», «Горжусь, что я советский».

* * *

Уже в интродукции первого рассказа, где речь идет о бюрократизме, неповоротливости советского чиновничества, о трудностях, с которыми автор и его супруга столкнулись в ходе подготовки к поездке в Турцию, упоминаются турецкие строители, возводившие в конце 80-х годов на берегу Каспия санаторий. Тем самым, еще задолго до встречи с этой страной, в повествование вводится ее мотив. А сама турецкая реальность в путевых заметках начинается с пограничного городка Капикой. Его внешний вид («Сразу бросается в глаза в этом городке идеальная чистота») наводит писателя на грустные размышления о высоком и достойном уровне жизни граждан Запада, капиталистического мира и незаслуженно униженном состоянии советских людей. В частности он замечает: «Полки магазинов ломятся от товаров. Люди с Запада пачками меняли деньги. Как беден наш гражданин… Как мы пренебрежительны к себе. Я в своем отечестве считаюсь высокооплачиваемым гражданином, по моим сценариям поставлены десять художественных фильмов, вышли десятки книг, произведения переведены на шестьдесят языков, но даже я не могу размахнуться, как простой рабочий из Федеративной Республики Германии».

Хотя в рассказе открыто и не говорится о причинах такого контраста между европейцами и соотечественниками автора, но из его реминисценций становится понятным, что в этом в первую очередь повинны тот общественно-политический строй, та экономическая модель, которые функционировали в его стране. В авторском нарративе проводится мысль, что именно пустые лозунги, обещания, двойные стандарты, наконец, уравниловка в политике и идеологии, закрытый от всего мира образ жизни долгое время вводили советских людей в заблуждение относительно материальных благ, жизненных ценностей. С горечью, вместе с тем и нескрываемой иронией А. Абу-Бакар пишет: «В безумном хоре о дружбе народов мы потеряли и национальное и интернациональное. Обстругали мы распустившиеся было в первые годы Советской власти деревья национальной самобытной культуры, всех уравняли под посредственность, одели и обули одинаково, не оставив личностной индивидуальности, постригли под одну мерку. Никогда я не был пессимистом, я – врожденный оптимист… Как не вспомнить здесь анекдот: «Зато у вас негров линчуют». А чем же нам крыть, чем хвастаться… На всем сказалось квадратно-гнездовое воспитание».

Причину экономического успеха капиталистического строя писатель усматривает не в пустых лозунгах о труде, не в уравниловке, которые практиковались в социалистическом мире, а в упорном труде ее граждан, независимо от возраста и положения, в их сознательном отношении к своей работе, которая обеспечивает им достойное существование. «Нигде не вижу лозунгов «Слава труду». Трудятся без них, а кто не хочет – того не жалуют, а высмеивают. Вот где, поистине, кто не работает – тот не ест… Расторопному, предприимчивому есть куда приложить силы и жить в достатке. Любую работу человек делает по совести, иначе никто не обратится к бракоделу».

Авторские рефлексии о контрастах и парадоксах окружающей действительности подкрепляются описанием состояния, которое он испытал в одном из турецких магазинов. В то же время этот эпизод наглядно иллюстрирует типичное положение советского человека, впервые попавшего в непривычный для него мир западного сервиса и изобилия. «Заглянул в магазин, хозяин-турок обращается ко мне и предлагает:

– Я к Вашим услугам, пожалуйста, что бы Вы хотели у нас приобрести?

Делаю вид, что я его не понял, спрятал глаза и вышел, как бы говоря про себя: «Я гордый, плевать мне на ваши товары»».

Лирические отступления, художественное описание в сочетании с документальностью делают повествование колоритным и занимательным. А антитеза, которая пронизывает все содержание путевых записей, придает им выразительный характер, усиливает эмоциональную окраску речи писателя, подчеркивает высказанную им мысль.

От философских размышлений о явлениях современного мира, навеянных увиденным в ходе путешествия, писатель постепенно переходит к описанию турецких реалий, которые наблюдает из окна своего купе, внимательно всматриваясь в незнакомый мир. Однако это не пассивное созерцание за жизнью, протекающей за окнами быстро проносящегося поезда, а активное восприятие явлений турецкой действительности, которые проносятся перед ним, советским гражданином, словно кадры документального фильма. С нескрываемым восхищением наблюдает он за картинами красочной, гармоничной чужой жизни, которые откладываются в его сознании в виде отдельных эпизодов, в том числе и названия станций, которые он проезжает от западной границы страны до Стамбула – Капикой, Пехливанское, Черкесское, Чаталга. При этом автор мысленно «вмешивается» в эту чужую жизнь, «комментирует» ее содержание посредством своих ассоциаций, мыслей, оценок, возникших в нем в процессе ее наблюдения. В то же время он не забывает «бросать камешек и в свой огород», отвлекая внимание читателя на недостатки, которые существуют в его стране. «Вижу из окна купе ухоженные поля. Наверное, на днях прошли обильные дожди, озимые поля во многих местах смыты, в трещинах, и люди старательно заполняют эти трещины. В каждом городке дома под красной черепицей, минареты – вонзают в небо, рифмуясь с пирамидальными тополями. Проезжали станцию Пехлеванское. Как живописны черепичные крыши в зелени! Поля, виноградники… Нет у них, правда, так называемых высокоштамбовых широкорядных; все естественно – лозы, низко обрезанные, леса, родники у дороги и у овечьих троп. Во всем видна забота земледельца, человека, любящего свою землю. Заасфальтированы грунтовые околицы».

* * *

Конечным пунктом вояжа супружеской четы Абу-Бакар назван город Стамбул, которому в путевых заметках посвящено пять рассказов: «Перед нами во всей красе Стамбул», «У гостя, говорят, золотая печать на спине», «Венец Гранд-Базара – золотой купол», «В ожидании солнца над Стамбулом», «Встреча с дочерью Сабахаттина Али». Эти маленькие, но относительно автономные повествования, изложенные живым, эмоционально насыщенным языком, объединены общим маршрутом автора и характеризуют стамбульскую действительность с самых разных, порою неожиданных сторон.

Новая встреча писателя со Стамбулом, состоявшаяся в иных условиях почти через два десятилетия после его первой поездки сюда, позволила ему словно заново открыть для себя этот уже где-то знакомый ему мегаполис. «Да, перед нами древний город, расположенный большой частью в Европе, а меньшей – в Азии. Разделенный Босфором и соединенный висячими мостами, вечный город, который некогда назывался Константинополем.

Подъезжаем к вокзалу и читаем вывеску. Прекрасные особняки, богатые дома, высокие отели… И вдруг деревянная крепость и крепостные стены тянутся далеко к центру города. Среди прекрасных современных домов вдруг вижу четырех-пятиэтажные деревянные дома, старые, уже почти непригодные для жилья. Такие дома, помню, стояли в Марьиной роще, в Москве в годы моей учебы. И вот старые торговые проулки, типичные для восточных городов… »

Турецкий мир, который Ахмедхан Абу-Бакар наблюдал в качестве иностранного гостя из окна поезда, теперь во всей своей полноте и многообразии открывался перед ним в Стамбуле. В первую очередь его поражает богатство и убранство улиц, магазинов, их количество, а также великое множество лотошников, мелких торговцев. «Это нечто сказочное!» – восклицает он, не скрывая своих эмоций и восторга от увиденного. Наряду с этим взгляд автора выхватывает и незначительные детали из жизни мегаполиса, например, что «люди здесь не толпятся, как у нас, нет переходов и светофоров, разве что на широких проспектах. Руку поднимаешь, переходя улицу, – машины останавливаются». В другом случае, в вестибюле гостиницы, на афишах и витринах на проспектах и улицах писатель замечает плакаты, посвященные четырехсотлетию со дня рождения выдающегося турецкого архитектора Синана, имя и творчество которого, как отмечает он, известно и в Дагестане.

Доминантой путевых заметок является тема встреч и знакомств автора с представителями разных слоев стамбульского общества. Отношение писателя к ним, место, которое они занимают в повествовании, естественно, разное.

Оно строится в зависимости от того, какую роль эти персонажи сыграли в судьбе автора в ходе его путешествия. Одним из них в произведении посвящено лишь несколько слов или предложений, например, «в отеле очень привлекательные услужливые люди, а патрон гостиницы – азербайджанец из Гянджи», а о других говорится довольно подробно, в деталях, с чувством искренней благодарности. На этом фоне образы двух людей – Мусы Рамазана и Мурада Деврима – в повествовании занимают особое место. Первый – дагестанец, лакец, представитель последней, послевоенной эмиграции советских граждан в эту страну. Другой – этнический грузин, коренной житель Стамбула, приглашение которого и послужило причиной частной поездки четы Абу-Бакар в Турцию.

Обе эти личности сыграли важную роль в судьбе автора во время его пребывания в чужой стране, и потому их жизнеописанию в произведении он отвел довольно большое место. Особенно А. Абу-Бакара тронула трагическая история жизни Мусы Рамазана, знакомство с которым принесло ему массу новых, волнительных впечатлений.

«Тридцать первого декабря утром мы ждали нашего знакомого Мусу Рамазана. Ровно в одиннадцать он пришел, энергичный, быстрый, хотя ему за шестьдесят. Конечно, были рады ему, он знал и понимал нас, потому что говорил достаточно хорошо по-русски». Дальше вкратце излагается полная драматизма, лишений и страданий история жизненных скитаний Мусы Рамазана, которые, в конце концов, привели его в Турцию. Зигзаги и перипетии судьбы, трудности и проблемы, которые сполна встречались на его жизненном пути, не сломили этого сильного духом человека, который и на новом месте неимоверным трудом и усилиями сумел построить достойную жизнь. Именно трудолюбие как национальная черта характера подчеркивается в оценках писателя личности этого дагестанца. О своем новом знакомом А. Абу-Бакар, в частности, пишет: «Одним словом, чтобы не пропасть на чужбине и как-то содержать себя и семью, трудился, проявлял присущую лакцам предприимчивость и любовь к мастерству».

Знакомство читателя с Мурадом Девримом начинается с небольшой, сделанной автором на ходу, несколькими мазками, зарисовки о нем, в которой отразились наиболее выразительные моменты его внешности и образа жизни: «И вот настало первое утро нового 1990 года. Первый день последнего десятилетия двадцатого века. За нами на своей машине приехал господин Мурад Деврим, небольшого роста, с окладистой бородой, очень радушный, любезный человек. По происхождению грузин, и жена моя говорила с ним на грузинском языке. У него семья: жена, мать жены и сын. Живут они хорошо. Мурад Деврим рад говорить на родном языке своих предков».

Мурад Деврим для автора заметок становится своеобразным гидом, информатором, посредством которого пополняются его знания о Стамбуле и его жителях. Турецкий грузин везет своих гостей в район Бебек, живописное горное место на берегу Босфора, посещает площадь Баязет, в районе которого находятся знаменитые мечети Ая-София, Сулеймание, Султан-Ахмед и другие памятники исламского зодчества. В ходе этих «экскурсий» Ахмедхан Абу-Бакар открывает для себя много нового, неизвестного из истории, культуры, жизни этого удивительного города. Но вот парадокс! Автора заметок восхищают не столько культурно-исторические достопримечательности Стамбула, сколько реалии его современного быта и, в частности, фешенебельные магазины на берегу Мраморного моря, содержание и сервис турецких ресторанов и пр. Их посещение вызывает у него неподдельный восторг, о чем свидетельствуют, например, следующие строки: «Особенно поразил нас магазин «Галерея», это что-то неописуемое! Здание, правда, немного напоминает наш ГУМ. Внутри не только фонтаны, но и ледяной каток, по которому скользили на коньках дети посетителей. Цены, конечно, здесь сногсшибательные, не по нашим карманам. Японская аппаратура, телевизор с экраном два метра на полтора». Эти впечатления писателя органически дополняются описанием ощущений, которые остались у него после посещения одного из стамбульских ресторанов: «Деврим-эфенди пригласил нас пообедать в ресторан на площади Баязет, который посещали американцы, французы, немцы, богатые туристы. Какая здесь чистота и как вас любезно встречают, словно самых долгожданных дорогих гостей; а такой люля-кебаб я ел лишь в Баку, на каком-то юбилее моего родственника. А как вкусен стамбульский хлеб из чаталгинской пшеницы… ».

Материальное благополучие стамбульского общества, отлаженный сервис, общественный порядок в городе, трудовая дисциплина, наличие условий для реализации каждым человеком своих способностей, поощрение и поддержка со стороны государства инициативы граждан и прочие позитивные моменты турецкой действительности производят на писателя огромное впечатление – они в центре его внимания на протяжении всего повествования.

При всем этом надо отдать должное Ахмедхану Абу-Бакару – он не опускается до бездумного поношения, незаслуженного охаивания советской действительности. Да, он критикует эту действительность, порою даже жестко, но это продиктовано лишь болью за свою страну, «обидой за державу», которой он гордился всю свою жизнь, желанием видеть в ней такую же достойную, обеспеченную жизнь, какую он наблюдает в Турции. Обращаясь к читателю, Ахмедхан Абу-Бакар пишет: «Много впечатлений. В Стамбуле ни одно строение не похоже на другое. Только не подумайте, что я хочу охаять все наше. Беда ведь в другом. У нас у человека со школьной скамьи отняли желание быть инициативным, самобытным, отбили охоту мечтать, иметь свое мнение. Вот и получается, что даже индивидуальные строения наши – безликие штампы, а ведь проекты их можно было бы разнообразить, сделать эстетичными, радующими глаз… ».

* * *

В путевых заметках тема национальной диаспоры, как одна из главных целей путешествия, заявлена в самом их начале – в диалоге, состоявшемся между писателем и его сопровождающими на перроне Махачкалинского железнодорожного вокзала:

«Провожая меня, друзья полушутя говорили:

– Слушай, в Стамбуле много наших…

– Ты посети, посети их обязательно. У некоторых золотые тукены-магазины, богатые люди.

– Богатство их мне ни к чему. А еду я, чтобы встретиться с дагестанцами… »

Впервые с дагестанской диаспорой на турецкой земле писатель встретился в лице уже упомянутого Мусы Рамазана. А его вторая встреча со своими соотечественниками произошла на самом крупном стамбульском базаре Капалычарши (Крытый рынок), который в произведении почему-то именуется Гранд-Базаром. Это огромный рынок, под сводами которого расположились несколько тысяч маленьких и больших магазинов, мастерских, ателье, офисов и пр., принадлежащих турецким гражданам, в том числе и этническим дагестанцам.

Посещение этого грандиозного торгового центра, который к тому же является одной из историко-культурных достопримечательностей Стамбула, оставило в памяти Ахмедхана Абу-Бакара неизгладимый след. Но и здесь его внимание больше обращено на материальное богатство и изобилие этого огромного базара. В первую очередь выделяются товары, которые на тот период практически отсутствовали на нашем потребительском рынке или были большим дефицитом на нем: «Сегодня мы попали в самый золотой венец так называемого Гранд-Базара. Нам сказали, что здесь есть магазин золотых изделий под названием «Кавказ», принадлежащий дагестанцам. Султан турецкий (не известно, какой) строил это огромное помещение под куполом, разветвленное во все стороны, как конюшню; со временем оно превратилось в громадные ряды магазинов и ларьков. Их, говорят, здесь, под этими крытыми улочками, более трех тысяч двухсот. Поражает воображение фантастическое изобилие. Одним словом, здесь найдете и японские радио-телефототовары, и часы настенные со сверкающими маятниками, и американские, и западногерманские товары. Все здесь есть – вплоть до ананасов, бананов и коксовых орехов. Ряды галантереи, кожаных изделий, ковров, керамических изделий, медной утвари и так называемых джинсовых «вареных» брюк и пиджаков. И вот сверкающий, венчающий, можно сказать, купол всего – золотая корона на этом головокружительном базаре».

В течение длительного времени на протяжении всего советского периода по политико-идеологическим соображениям национальные диаспоры оставались «закрытой» темой. В прошлом о национальных диаспорах народов СССР говорили и писали в основном в негативном аспекте как об общностях людей, состоящих сплошь из изменников и предателей родины. Особенно остро, болезненно, порою трагично запрет властей на контакты, связи с зарубежными соотечественниками, на освещение и осмысление темы национальной эмиграции, ее истории, культуры, быта воспринимали

мастера художественного слова. Те из них, кто, вопреки официальным установкам, обращался в своем творчестве к проблематике диаспоры, незаслуженно, сурово наказывались властями, а их произведения запрещались к печати, изымались из продажи и предавались всеобщему осуждению. Судьба аварского прозаика Магомеда Шамхалова и его повести «Ностальгия» – тому яркий пример.

И тем более понятен интерес Ахмедхана Абу-Бакара к теме национальной диаспоры, когда стало возможным без страха, не оглядываясь на цензуру и запреты, свободно осмыслить ее в своем творчестве. Однако рамки жанра путевых заметок не позволили автору глубоко, масштабно осмыслить проблему национального зарубежья. И потому он лишь поверхностно, как бы вскользь «прикоснулся» к ней. Несмотря на это встреча с земляками, беседы с ними под сводами величественного Капалычарши дали писателю обильную пищу для размышлений о судьбах своего народа, Дагестана, наполнили его знания о национальной диаспоре новым содержанием.

Из того нового, что узнал автор о своих соотечественниках в Турции было то, что даргинцев здесь называют «цедех», т.е. цудахарец. От его внимания не ускользнул также тот факт, что в диаспоре на родном языке говорят чище, нежели на исторической родине. Откровенным открытием для писателя стало использование здесь аварского языка в качестве языка межнационального общения среди представителей разных народов Дагестана.

В пояснениях его оппонентов по поводу такого неординарного решения проблемы языка межнационального общения в диаспоре имела место логика, которая не оставила места для сомнений автора:

«Подали нам чай, разговорились; правда, многие из них не знали родного языка. Были здесь кадарцы, хаджалмахинцы, кишинцы; многие лучше знали аварский язык, чем свой родной. Объяснили это тем, что среди дагестанцев преобладали здесь аварцы и, чтобы сохранить хоть какой-то язык, чтобы совсем не раствориться среди турок, они общались на этом языке.

– У нас здесь международным языком является не английский, а аварский, – пошутил Магомед-Салек – один из трех братьев, который побывал в Дагестане в прошлом году, посетил Кадар, Хаджал-Махи. Он хорошо говорил по-даргински…»

Незапланированные встречи с соотечественниками на стамбульском базаре оставили у писателя самые позитивные впечатления о них, как о людях социально активных, трудолюбивых и толерантных, вот уже более полутора столетий достойно представляющих себя, свой народ и родину на чужбине. Их образ жизни, стиль и этика поведения в быту, высокая внутренняя культура заставили писателя критически взглянуть на методы и результаты воспитания граждан в том обществе, которое он представлял: «Душевная была беседа за чаем, а молодой хозяин магазина ни на минуту не прекращал торговлю, поражала его увлеченность. Распоряжался, пачками передавал своим работникам деньги, чтобы они производили расчет с покупателями, верил им и был доволен… Благороден и деловит молодой богатый аварец. Не было в нем и тени надменности и высокомерия. Хоть по нашим понятиям он несметно богат, но прост и радушен, пожелал нам благополучия и удачи…

Разное у нас воспитание, владелец здесь – настоящий хозяин, а у нас это понятие абстрактное; учили нас, что мы все – хозяева в своей стране и потому не стало истинного хозяина».

В размышлениях автора о турецких дагестанцах затронута и тема дружбы представителей северокавказских народов в диаспоре, которая сложилась и продолжает существовать не по

причине каких-то политико-идеологических экспериментов и практики, а естественно, инстинктивно, в силу сложившихся обстоятельств – как потребность самосохранения, самоидентификации в условиях эмиграции.

Между тем интересы Абу-Бакара не ограничиваются описанием только современной жизни национальной диаспоры. Он также живо интересуется и прошлым своих соотечественников, в частности, упоминаются имена выдающихся дагестанцев, чья жизнь и деятельность оставили заметный след в истории Турции, стали частью ее национальной культуры. Это имам Шамиль, его сыновья, шейх Джамалудин Казикумухский, а также Мурад-бей Мизанджи, которого автор ошибочно называет Махмуд-беем. Здесь же приводится неизвестный эпизод из жизни Мурад-бея, который сообщил Муса Рамазан. В нем содержатся интересные детали и факты, правда, не всегда достоверные, характеризующие этого дагестанца как неординарную личность:

«Однажды султан собрал приближенных, среди которых был и Махмуд-бей, – неоднократно награждался он турецким падишахом. Расщедрившийся султан стал на вечере одаривать гостей кисетами с золотыми монетами. Махмуд-бей сидел рядом с одним напыщенным пашой – генералом.

– Я не могу это взять, – сказал Махмуд-бей, обращаясь к генералу.

– Почему? – удивился тот.

– Потому что я не сделал ничего достойного падишахского внимания.

Султан услышал эти слова, и они насторожили его. Через неделю Махмуд-бей был на всякий случай арестован и заключен в тюрьму. Сын его Фарук, который глубоким стариком доживает свой век, говорят, родился, когда уже не было в живых отца…»

* * *

Между тем в путевых заметках Ахмедхана Абу-Бакара национальная тема в ее философском осмыслении не ограничивается лишь проблемой дагестанской диаспоры Турции. Как было отмечено, время путешествия писателя в Турцию совпало с периодом, когда события мирового масштаба – гласность и перестройка в СССР, разрушение Берлинской стены, развал по всему миру социалистической системы и пр., – вызвали небывалый подъем национального самосознания, политической активности, особенно у народов, находившихся в положении нацменьшинств в государствах бывшего социалистического лагеря. Во многих регионах на постсоветском пространстве это привело к кровавым столкновениям, межэтническим войнам, обернувшимся для огромного количества людей страшной трагедией, потерей земли обетованной, бегством и эмиграцией в более безопасные регионы.

На протяжении всего путешествия писатель сталкивался с отдельными трагическими фактами межэтнических конфликтов, ассимиляторской политики отдельных государств в отношении своих национальных меньшинств. Например, по пути следования из Болгарии в Турцию из окон вагона Ахмедхан Абу-Бакар наблюдает «городок, чистенький, из стандартных домов для беженцев из Болгарии», а в Стамбуле в районе мечети Султан-Ахмед на одной стене он видит стенд, где на цветных фотографиях были изображены жертвы ферганской резни – турки-месхетинцы.

Увиденное становится предметом философских размышлений автора. В частности, он считает, что в критические периоды развития истории народы должны чувствовать свою ответственность перед настоящим и будущим временем, что залог их мирного сосуществования – это не пустые декларации и лозунги о дружбе наций, а продуманная, взвешенная государственная политика, учитывающая особенности каждого этноса: большого или малого, проживающего на территории страны.

«Да, это наша боль, и здравомыслящие люди никогда не должны доводить межнациональные проблемы до кровопролития. Национальная ответственность во времена ломки старых порядков должна возрастать, а не притупляться. Было время бросать камни, теперь время их собирать! Сняли мы темные очки, оглянулись и обнаружили: много же мы дров наломали под благородными призывами и лозунгами. На кого вылить злобу? И вот беда – слепая ненависть столкнула брата с братом, народ с народом…»

Эти мысли писателя адресованы не только читателю, но и в какой-то степени и самому себе. В них чувствуется признание в том, что и он, как творческая личность, как «властелин дум», также несет свою долю ответственности

за возникновение межнациональных конфликтов, за их жертвы.

«Частная поездка» Ахмедхана Абу-Бакара представляет интерес для читателя и с точки зрения содержания в ней массы информации, сведений о жизни не только турецкого общества, но и других народов, с которыми он столкнулся в ходе своей поездки. Внимательным взглядом автор вникает в повседневную жизнь стамбульцев, их культуру, традиции. Его пристальное внимание привлекает архитектура Стамбула, а также строительный бум в городе, который в те годы развернулся небывалыми темпами.

Культурный пласт турецкой действительности в повествовании представлен именами известных деятелей турецкой культуры: писателей Сабахаттина Али, Азиза Несина, актрисы кино и театра Туркан Шорай, композитора Алии Куртулуш, которой в заметках посвящен отдельный рассказ под названием «Встреча с дочерью Сабахаттина Али». Из него выясняется, что Алия Куртулуш является директором Стамбульской консерватории. Более того, она дочь известного турецкого писателя Сабахаттина Али, который «пользовался в Советском Союзе большим уважением… часто печатался». Оценивая в нескольких предложениях его творчество, Ахмедхан Абу-Бакар пишет, что произведения известного турецкого прозаика пронизаны духом протеста, в них во всей остроте социальных противоречий показана жизнь турецкого народа. «Его теперь чтят и на своей родине, создана ежегодная литературная премия его имени для лучших писателей-новеллистов».

Из беседы Абу-Бакара с Алией Куртулуш выясняется, что она близко знакома с Мурадом Кажлаевым, любит его творчество, по мере своих возможностей в качестве директора консерватории способствует приобщению турецкого зрителя к оригинальному музыкальному искусству известного дагестанского композитора. Так с самой неожиданной стороны выявляется еще одно невидимое звено в цепочке дагестанско-турецких культурных связей в лице известных деятелей культуры двух народов – Алии Куртулуш и Мурада Кажлаева.

Среди явлений турецкой действительности, к которым обращено внимание дагестанского писателя, находятся и такие, казалось бы, далекие от содержания его поездки вопросы, как образование, система подготовки молодых специалистов в вузах Турции, которые, как выясняется, довольно сильно отличаются от советской системы образования. В частности, он пишет: «Вспомнил разговор с Мурадом Девримом относительно порядка подбора молодых кадров. В институты и университеты приезжают крупные предприниматели и руководители больших предприятий – деловые люди, и с третьего курса отбирают лучших студентов, устанавливают им свою стипендию с тем, чтобы после учебы они работали у них. Такой студент, конечно, чувствует ответственность и старается освоить свой предмет лучшим образом. Пример, достойный похвалы и подражания».

Или вот его мнение о турецких учебниках: «Как-то раз взял я у сына господина Деврима учебник четвертого класса турецкой школы. Перелистал, Разумно был составлен учебник – судя по рисункам… В этом учебнике и история, и уроки труда, и нравственные проповеди».

В заключительной части путевых заметок подводится своеобразный итог путешествия их автора в сердце Турции – в город Стамбул, о котором у него остались самые добрые, самые искренние чувства и незабываемые впечатления. «Говорят, чтобы узнать страну, порой и трех дней достаточно, а порой не хватает и трех лет. Сегодня мы прощаемся со Стамбулом. Если вы спросите, хотел бы я жить в этом городе, скажу, положа руку на сердце: нет; а вот приехать еще раз в гости – с удовольствием. Потому что чем больше видишь, тем больше открываются тебе двери непостижимости Востока, как бы вникаешь в суть происходящего в вечном городе, стараешься сопоставить со своей страной, людьми».

Дни, проведенные Ахмедханом Абу-Бакаром в Турции, особенно в «вечном» городе, как называют Стамбул, были насыщены интересными и разнообразными событиями. Они подарили ему массу впечатлений о турках и их стране, обогатили его духовный и эстетический мир новым содержанием, новыми красками, мотивами, темами, дали богатую пищу для глубоких философских размышлений о насущном мире, его состоянии и перспективах, о судьбах своей родины и чужой страны, стоящих на пороге нового, неизвестного XXI века.

Магомед-Расул

«На севере диком...»

(Отрывок из повести «Аллах все видит»)

(Продолжение. Начало в № 12 за 2014 г.)

Ярко-красная «тойота», за рулем которой сидела Марьям, неслась в горы, сигналя на поворотах во избежание столкновения с встречной машиной. Не все повороты были крутыми, чтобы сигналить каждый раз, но это доставляло ей удовольствие: смотрите, мол, кто едет и – на какой машине!

Днями раньше Марьям приобрела японскую «тойоту» последнего выпуска и впервые ехала за рулем в Аул мастеров, где родилась и выросла.

По пути то и дело встречались машины знакомых аульчан. Не все узнавали ее. И тогда она, широко улыбаясь, высовывала в окно золотисто-рыжее упитанное лицо и прощально махала левой рукой, правой держась за руль. Их запоздалые ответные сигналы (прости, мол, не узнал!) были для нее более приятны, чем обычные пипиканья встретившихся на поворотах, чтобы тут же расстаться и забыть друг о друге. Запоздалый сигнал знакомого тешил самолюбие Марьям, а ее сияющее лицо с прощально машущей барской рукой продолжало волновать отъехавшего. Марьям сладостно думала об этом и с вновь обретенной уверенностью в своей привлекательности и значительности гнала машину в горы и снисходительно прислушивалась к беспечной болтовне сидящих на заднем сиденье дочери Манарши и ее подруги Анфисы, собравшихся в гости к Култум.

Без умолку болтая о всякой всячине, Манарша считала, что развлекает подругу, и не замечала, как раздражает ее, мешая любоваться непривычной для нее окружающей природой.

Выйдя на очередной поворот, машина как бы повисла над пропастью.

Анфиса воскликнула:

– Ой, как глубоко!

– Что глубоко? – недовольно прервала свою болтовню Манарша.

– Речка протекает.

В зажатом с обеих сторон дремучими горами узком ущелье змеей петляла обмелевшая речка, там и сям сверкая звездными вспышками под лучами солнца.

– Не речка, а река – Хала хIеркI, что значит Большая река.

– Она совсем не большая. Даже не мутная, а чистая.

– Для нас – большая! – сердито заметила Манарша, обижаясь на то, что подруга отвлекается по пустякам, не придавая значения тому, о чем она говорит.

Не прошло и пяти минут, как Анфиса, вновь перебив подругу, обратилась к Марьям:

– Остановитесь, пожалуйста, тетя Марьям!

– Что с тобой? – заворчала Манарша. – Как ребенок, блин!

– Можно выйду на минутку?

– Тебе плохо? Затошнило? – обернулась Марьям, притормозив машину.

– Нет-нет! Дерево увидела! – сказала Анфиса, вываливаясь из машины.

– Одурела, что ль?! Вокруг одни горы да деревья, – возмутилась Манарша. – Эка невидаль!

– Во-он там, в стороне. Видите?

Между двумя вершинами гор, покрытых зеленым лесом, втесалась желтая скала с выступом в виде балкона, на котором гордо росло одинокое дерево.

– Знаете, чего не хватает для полноты картины, тетя Марьям?

– Чего?

– Парящего орла в вышине.

– Или козлотура, стоящего на краю утеса, – улыбнулась Марьям.

– Просто чудо!

– Вспоминаю слова не то Пушкина, не то Лермонтова, – задумалась Марьям.

– Какие?

– Всего раз прочитала когда-то, а запомнила на всю жизнь:

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой она.
И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

– Это он об этом написал? – спросила Анфиса, показывая на дерево: голубые глаза ее на матовом угловатом лице вспыхнули живым огнем любопытства и восхищения.

Марьям обняла Анфису за плечи и сказала:

– Об этом ли или нет, не могу сказать, милая, но знаю, что и Пушкин, и Лермонтов, как потом и Толстой, не только восхищались красотами Кавказа, но и восторженно писали о Дагестане и дагестанцах. В отличие от вас, нынешних молодых, нас еще учили на классиках…

– Мы тоже проходили Пушкина и Лермонтова.

– Вы проходили, а мы изучали, Анфиса. Это разные вещи.

– И все же, честно говоря, не могу понять, как может на голой скале расти дерево?

– В свое время, Анфиса, и я задавалась таким вопросом. А ларчик, оказывается, открывался просто.

– Да что вы говорите!

– В скале есть расщелина или дупло, куда разгульные ветры заносили землю и семена дерева – вот и растет оно на загляденье людям.

– Мама! Поехали! – повелительным для матери и недружелюбным для подруги тоном выкрикнула Манарша.

Она приревновала мать к подруге: охота так терпеливо говорить с ней, словно учительница с тупой ученицей! В душе Манарша не очень уважала Анфису, хотя и не обходилась без нее: ей не нравилась самостоятельность подруги, умение постоять за себя.

Какое-то время ехали молча.

Анфиса не отрывала глаз от теснящих ее гор, нависающих друг над другом, на склонах которых, словно пчелиные улья, прилепились однотипные дома разбросанных аулов.

Фото Х-М. Зургалова

Манарша, надувшись на неуправляемую подругу, думала о том, как часто – утром, в обед и вечером – будет менять подобранные на случай поездки наряды, вызывая восхищение и зависть аульчан.

Марьям с тайным удовольствием размышляла о том удивлении, в какое придет Алихан, увидев пакет высушенных листьев махорки. Помня его мимолетный разговор о трудностях приобретения махорки, она раздобыла ее в одном из высокогорных аварских районов. Сама не понимала, зачем надо радовать Алихана. Он для нее, по сути дела, никто. И в мыслях не допускала связываться с ним какими-то интимными отношениями, как и он, наверное, не допускает. Но то, как он, степенный и гордый мужчина, робел и терялся перед нею, она не могла забыть. Ей просто приятно думать об этом. Да и этот чертов запах махорки, каким-то крепким, но

тайным мужским духом вскруживший ей голову, не переставал волновать ее.

Правда, еще в школе он нравился ей, но она не существовала для него. Ничем не выдавая себя, она с отчаянной болью выдавила его из себя. Возненавидела всех мужчин, считая их бесчувственными хайванами. За Мухтара вышла замуж, во-первых, потому, что не выдержала его безумного натиска, во-вторых, потому, что рано или поздно надо было устраивать свою семейную жизнь. Ни в большую неземную любовь, какую описывают в книгах, ни в плаксивые вздохи одуревших от пагубной страсти женщин она не верила. Но в этой незадачливой жизни ее внимание Алихана, весьма уважаемого окружающими человека, было тем неуловимым лучом света в темном царстве, которого ей так часто не хватало.

С одной стороны, не терпелось встретиться с ним, с другой – так боялась встречи, будто кто-то заставлял ее броситься в пропасть. Грустные и радужные, тревожные и утешительные мысли, одна сменяясь другой, мелькали в голове и делали дорогу незаметной и заманчивой.

Устав препираться с рассеянной Анфисой, Манарша включила трубку, и Киркоров бархатным голосом запел свою знаменитую «Зайку»:

Зайка моя! Я – твой зайчик!
Ручка моя! Я – твой пальчик!
Рыбка моя! Я – твой глазик!
Банька моя! Я – твой тазик!
Ты – бережок, а я – речка!
Ты – фитилек, а я – свечка!
Ты – генерал, а я – погоны!
Ты – паровоз, а я – вагоны!
Буду любить тебя страстно,
Пусть говорят, что опасно!
Я для тебя сверну горы!
Ты – Пугачева, а я – Киркоров!
Зайка моя!

– Ну и слова же находит! – насмешливо сказала Марьям.

– А что тебе не нравится, мамуль?

– Все нравится. Особенно: «Ты – генерал, а я – погоны. Ты – паровоз, а я – вагоны!» – с иронией заметила Марьям

– Я бы последние две строчки изменила, – заметила Анфиса, настроившись на веселую волну.

– Как?

– Я для тебя сверну горы! Ты – Пугачева, а я – Галкин!

– Не кудахтай, Анфиса! Да ну вас! Много вы понимаете! – махнула рукой Манарша. – Ну и что ж, что Галка закадрил Пугачиху, а Кирюха по-прежнему клеится к ней. Всего-навсего – байка веселая…

– Любви все возрасты покорны, – грустно произнесла Марьям, думая о своем.

Увидев на склоне горы разрушенные стены и едва уцелевшее строение, Анфиса спросила:

– Это что за развалины, Марго?

– Теперь и до развалин дошла! Сдались они тебе! Будто вообще в горах не была…

– Но в ваших горах я впервые.

Марьям притормозила машину, давая Анфисе возможность выйти и повнимательней вглядеться в остатки бывшего аула.

На макушке противоположной отвесной горы за обросшей мхом неровной стеной вкривь и вкось торчали каменные памятники разной величины. Поодаль стояли два искривленных старых дерева, высохшие ветки которых касались друг друга, а на других ветках сиротливо трепыхались на ветру жидкие листья. Между деревьями желтела стена с аркой посередине, а над стеной гордо возвышалась башня, заканчивающаяся папахообразной шапкой.

Высунув голову из машины, Марьям пояснила:

– Когда-то, Анфиса, на горе этой жили калакурейшцы, мастера древесного угля. Жителей аула не мог покорить сам Надир-Шах. Теперь от аула остались вот этот Мавзолей кайтагских уцмиев шестнадцатого века, а за ним, в стороне, сохранилась джума-мечеть, которой более тысячи лет. Да есть еще и такие захоронения, каких в стране больше нигде нет…

– А куда люди делись?

– Разбрелись по России, а может, и по всему миру…

– Поехали, мам! Этак мы и до вечера не доедем. День коту под хвост пойдет, – заворчала Манарша.

Хрустя чипсами, она высунула из машины голову в широкополой соломенной шляпе с козырьком, над которым теснились крупные кораллово-красные цветки восточного мака.

Позавидовав как-то шляпе Ксении из Гавайев, она сказала матери:

– Мамулечка! Ответь, пожалуйста, чем я хуже Ксюши?

– Какой Ксюши?

– Знакомых Ксюш много, но подруга у меня одна.

– Для меня ты лучше всех Ксюш на свете!

– Значит, и шляпу заслужила лучше, чем у всех Ксюш на свете!

– Попроси папу поехать на Гавайи. Он любитель мотаться по чужим странам, а не я, – то ли в шутку, то ли всерьез сказала мать.

– Он мне еще и мороженого не покупал, а ты предлагаешь просить у него…

– Ладно, ладно, успокойся: нет на свете ничего такого, что бы я не могла достать для тебя.

– Золото мое! Брильянт ты мой! Солнышко мое!

Манарша кинулась обнимать и целовать мать с такой безудержной страстью, что Марьям с трудом вырвалась из ее цепких рук и горячих губ.

Мать раздобыла широкополую соломенную шляпу – такой в городе не было ни у кого. На вопросы дочери, откуда выписала шляпу и сколько она стоит, Марьям, сохраняя интригу, отшучивалась: то говорила – из Стамбула, то – из Парижа, то – из Рио-де-Жанейро… Так же отвечала Манарша на вопросы подруг. Но главное было в том, как восхитилась ее шляпой Ксения, предложившая поменяться. Но Манарша гордо ответила: «Я подумаю».

Готовясь в ауле щеголять в новых нарядах, она держала шляпу за задним сиденьем, бережно придерживая ее, когда машина подпрыгивала на ухабах.

Выказывая свое нетерпение, она демонстративно надела шляпу, давая понять матери и подруге, что пора кончать болтовню.

Мать с Анфисой только-только заняли свои места, как в трубке Манарши раздался звонок.

– Наконец-то, блин! – воскликнула она.

– Куда доехали? – послышался голос Култум.

– Спускаемся к мосту. Последний подъем – и мы дома.

– Я вас встречу у аула.

– Где?

– На развилке дорог.

– Ура, блин! Слышь, Анфис, Култум нас встретит у аула!

– Клево! – сказала Анфиса, засияв всем лицом.

В горах обычно подъемы и спуски часто чередуются. Машина, петляя, плавно скользнула в долину и стала переезжать мост. Анфиса опять не удержалась от вопроса:

– Что за река?

– Ну и лох ты! – приняла умный вид Манарша. – Та же самая Хала хIеркI.

– А почему здесь она такая большая, мутная и бурная?

– Отвали со своими дурацкими вопросами!

– Вовсе не дурацкий вопрос, дочь моя, – вмешалась Марьям, притормаживая за мостом. – Посмотрите на то далекое небо над горами.

– Неба-то и не видно, тетя Марьям. Одни свинцовые, темно-синие тучи.

– Вот именно. Значит, высоко в горах идут дожди. Мелкие речки забурлили и слились с главной рекой. Может, сейчас и дошел этот большой поток до Кайтага, где ты впервые видела эту реку еще обмелевшей…

– Прикольно! Впервые вижу, как речка становится рекой.

– А река – речкой, – солидарно кивнула головой Марьям. – Тебе только еще одно остается, Анфиса.

– Что, тетя Марьям? Что?

– Увидеть, как рождается река.

– Это разве возможно?

– При желании все возможно.

– Готова умереть, лишь бы увидеть!

– Умрешь – ничего не увидишь, – скривив рот, отвернулась Манарша.

«Тойота» медленно одолела подъем и неслась в аул по мощеной дороге.

– Мам! Назад подай! – засуетилась Манарша.

– Зачем?

– Култум нас ждет. У развилки.

– Так не было там никого. Не муравей ведь она, чтоб не видеть.

– Она никогда не обманывала и не обманет.

– Не получилось, наверное. Всякое бывает.

– Прямо домой к ней поедем? – спросила Анфиса, всполошившаяся больше подруги.

– Так не положено, Анфиса. Если бы в ауле у нас не было своего дома, и мы ехали бы к ней – другое дело. Теперь ты сначала пойдешь к нам, а потом в гости к другим. Откровенно, по обычаю, Култум сама первой должна прийти к нам поздравить нас с приездом и пригласить в гости к себе, – объяснила Марьям, выставив за окно круглый локоть изящно согнутый над рулем левой руки: пусть, мол, видят, как свободно управляю машиной.

Едва машина въехала в аул, словно из-под земли, возникла куцая собака с облезшей шерстью и громко залаяла. К ней присоединились вторая и третья собаки, разноголосым лаем сопровождая машину сзади, справа и слева. Обычно уличные собаки не реагировали на машины аульчан – они знали их наперечет. Но чужую машину не оставляли без внимания, по долгу стражей заблаговременно предупреждая аульчан о возможной опасности.

Из-за угла выскочил костлявый мальчуган в тельняшке и властно, будто хозяин, прикрикнул на собак; и они послушно удалились в разные стороны.

– Эй! Пацаны! Айда сюда! Смотрите – новый джип!

– Никакой не джип, а мерс, мерседес, – сказал мальчик в желтой футболке.

– Много знаешь! – сказал мальчик постарше в испачканной белой безрукавке. – Это «тойота». Японская машина. Новый сорт.

Пристроившись сзади, мальчики с криками стали весело подталкивать машину, будто она застряла в луже и не могла выбраться. «Тойота», просигналив, повернула на узкую ухабистую улочку, зажатую с обеих сторон двухэтажными домами. Заметив в стороне тетю Халабу в белом платке-казе и зеленом платье, шедшую навстречу машине, мальчишки разбежались, посчитав забаву свою в глазах почтенной женщины несоразмерной с их возрастом: какому мальчишке не хочется выглядеть старше своих лет?

Халаба прижалась к стене, пропуская машину, но Марьям, узнав ее, остановила машину и вышла из нее.

– Как рада видеть тебя в добром здравии, тетя Халаба!

Марьям захотелось обнять и расцеловать старушку, словно мать родную, но, подняв руки, она задумалась и, слегка коснувшись ее плеч, опустила их: в ауле не принято выражать напоказ свои чувства, тем более это не обрадует Халабу больше, чем те слова, которыми она приветствовала ее.

– Вах! Марьям?! – Халаба сделала шаг назад, чтобы лучше разглядеть дальнозоркими глазами гостью.

Лиловое платье без рукавов с широким белым поясом, подчеркивающим талию и упругую грудь, плотно облегало упитанное тело. Пышные рыжие волосы с вьющимися концами покоились на округлых плечах, зеленоватые глаза по-кошачьи светились радостью встречи.

В эти минуты Марьям и думать не думала ни видом своим, ни новой машиной произвести впечатление на Халабу.

Халаба отнеслась к ней неоднозначно. Обычно она воротила нос от запахов духов и кремов, но от Марьям веяло ароматом цветов: то ли розы, то ли фиалок, то ли малины, а может, всех цветов вместе взятых. Откуда ей было знать, что это были духи из натуральных цветов без химикатов, флакончик которых стоил на вес золота? Вряд ли Халаба догадывалась и о том, что Марьям в тайнике души тешила себя надеждой, что на фоне дурманящего мужским духом запаха махорки благовонно-вкрадчивый запах ее духов не останется незамеченным и неоцененным Алиханом.

Но мгновения приятного амбре были заглушены внешним видом гостьи. Голые до плеч бронзовые налитые руки, крашеные тонкие губы, ожерелье из крупных бусин зеленовато-голубой бирюзы на приоткрытой матовой груди, облегающее тело короткое (выше колен!) платье, перехваченное в талии белым шелковым поясом, ухоженные стройные ноги и красные

туфли на высоких каблуках свидетельствовали о явном желании привлечь к себе внимание любознательных. Халабе было неловко за соблазнительный вид Марьям. «Не семнадцать ведь тебе!» – вертелось на языке, но из чувства такта старуха промолчала. Вместе с тем Халаба не одобряла женщин за рулем, как и с сигаретой, считая это чисто мужским уделом.

Перебивая друг друга, как обычно бывает в подобных случаях, они скороговоркой переговорили о том о сем и разошлись в разные стороны.

– Кто она? – спросила Анфиса у Манарши.

– Старушка дремучая! Ей около ста или больше того.

– Ты ее знаешь?

– Ее все – от мала до велика – знают.

– Почему не вышла поздороваться?

– Успеется. Если тебе не терпится, можем догнать, – вымученно улыбнулась Манарша, переводя неприятный разговор в шутку. Она знала, ни шляпу ее, ни наряды старушка не одобрит, и встреч с нею ей искать незачем.

Фото М. Расуловой

Ступив одной ногой в машину, Марьям показала на небо:

– Девочки! Смотрите, куда сорока летит.

– Куда, тетя Марья?

– На наш дом.

– Зачем?

– Весть о нашем приезде подает.

– А кто у вас дома?

– Никого.

– Кому сорока весть подаст?

– Дому нашему.

– Как понимать?

– Сорока узнала меня и знает мой дом. Для нее и дом мой такое же живое существо, как и я. Он известит дом о нашем приезде, и дом примет нас с объятиями.

– Прикольно!

– Ты прямо как Култум, Фиска: байкам всяким веришь! – заворчала Манарша.

– Но я не шучу, доченька. Сама увидишь: до нашего прихода сорока будет стрекотать на крыше и не уйдет, пока не отблагодарю ее.

– Чем? – удивилась Анфиса.

– Свежим мясом.

– Кушает?

– С волчьим аппетитом, – рассмеялась Марьям, садясь за руль.

– Все так чудно! Клево! Прикольно!

Петляя по кривым мощеным улицам, то кивком головы, то сигналом приветствуя встречных, Марьям добиралась до своего дома.

– Тетя Марьям! Это вы?! – вдруг услышала она звонкий девичий голос.

– Мам! Останови! Кизтаман! – сказала Манарша, на ходу выскакивая из машины.

На них смотрела стройная девчонка с васильковыми глазами на луноподобном лице, с черной челкой до бровей, в коротком платье в бело-зелено-красные полоски, ничем не напоминающая сельских девочек.

Едва выйдя из машины, еще не дотронувшись до Кизтаман, Манарша вернулась, засунула руку в открытую дверцу:

– Анфис! Дай шляпу и выходи.

– Надеюсь, сами дойдете, – улыбнулась Марьям вслед вышедшей Анфисе, направляя машину к тесовым воротам, за которыми возвышался двухэтажный дом с конусообразной крышей из коричневой черепицы, местами пробитой прошедшим тремя днями раньше градом.

На макушке крыши, суетливо кружась и покачивая длинным хвостом, стрекотала в ожидании своего часа черно-белая сорока, извещая аульчан о приезде хозяйки дома.

Умайра Абдусаламова

Икра гречневая

За окном бушевал холодный зимний ветер. Айна, сквозь жалюзи наблюдая природные метаморфозы непривычной для южного края морозной погоды, нервно теребила в руках телефон, в который раз бросая недовольные взгляды на циферблат экранных часов.

«Ведь должен быть звонок! – упрямо твердила себе она. – И закономерность никто не отменял! И каждый год, 31 декабря (ну если быть точным, то 21-го) мы с друзьями… Нет, мы конечно, вовсе не ходим в баню, как герои известной телевизионной эпопеи, но все же проводим этот день не менее насыщенно и феерично».

Поводом для шумного веселья служило опять же закономерное и в то же время далеко не банальное историческое событие – у Айны в этот день были так называемые именины. Приятным бонусом, а точнее обязательным атрибутом этого повторяющегося каждый год праздника, был непременный телефонный звонок близкой подруги. И хотя у той не было встроенного пропеллера, и она не жила на соседней крыше, Айна, вышедшая родом из детства, по-прежнему верила лишь в две непреложные истины – в любовь к ближнему своему и в счастье, которое не в пирогах.

«Уже девять часов вечера. До двенадцати остается всего лишь три часа! И если она не позвонит, то карета дружбы, увы, превратится в тыкву разочарования», бросив очередной уничижающий взгляд на часы, вывела она свой печальный вердикт.

Иногда изменчивый мир, который, как уверял Макаревич, должен прогибаться, не всегда бывал достаточно гибок. И приходилось самой применять гуттаперчивость, подстраиваясь под условности жизни. И если существовало такое понятие, как дружить домами и семьями, то Айна научилась дружить на расстоянии – городами. Благо современный мир был полон возможностей и новых технологий, и можно было оставаться на связи, не прибегая к помощи ковра-самолета и почты России. Всевозможные смайлики и встроенные в гаджеты микрофоны как бы сокращали километровые дистанции, телепортируясь в пространстве и становясь тем самым мостом дружбы, объединяющим близких и родных.

Из масштабных географических полетов Айну вывел долгожданный звонок. Вздрогнув от громкого мелодичного звука, она посмотрела на телефон. На экране мобильного высвечивался до боли знакомый набор цифр. От ожидания предстоящего разговора Айну начало знобить. Руки предательски заходили ходуном. Это волнение было ей знакомо – обычная реакция рецепторов организма на искренние события в ее жизни – будь то душещипательный фильм по телевизору или ответственный разговор. Не раз отмечая за собой неумение вести глубокие беседы, лежа на диване или поглядывая параллельно на монитор ноутбука, она внутренне подтянулась и подошла к зеркалу. Подправив завиток волос, так некстати вынырнувший из непослушной пряди и таки основательно мешающий архиважному разговору, Айна подняла трубку:

– Алё…

– Привет!

«Голос как бы женский, но как бы предательски не ее. Или я за год успеваю его подзабыть?»

– Привет… А это… ты?

– Ты меня не узнала? – вынырнул наконец-то из тьмы расстояния знакомый высокий тембр.

– Ты за год даже голос поменяла? Что у тебя еще нового?

В ответ раздался звонкий заливистый смех, такой легкий и близкий, уносящий Айну в далекие воспоминания, в тот день, когда они познакомились…

* * *

По случайному совпадению день знакомства тоже был зимним. И зимним было вокруг

все: погода, настроение, салат в холодильнике и даже небольшой сад за окном.

«Не люблю зиму, – подумала она, – но моя нелюбовь к ней ведь не мешает мне пойти и посмотреть на зимнее море? Как оно борется с заморозками, с хандрой, со всеми теми типичными непогодами, свойственными, как природе, так и человеческой натуре?» И после одной из очередных, участившихся в последнее время, семейных баталий в доме, когда на душе скребли и пели все кошки мира, Айна, как у нее всегда бывало в минуты глубокой тоски, двинулась в знакомый для нее путь – в никуда! На это раз «никуда» было берегом моря.

Зимнее море не обмануло ее ожиданий – оно сегодня тоже было серым и одиноким. Присев на не менее серую и одинокую скамейку, Айна приготовилась медитировать свой мозг умиротворяющими сознание дифирамбами в унисон морским волнам. Уже находясь на полпути к нирване, и релаксацией значительно увеличив объем серого вещества мозга, девушка вдруг боковым зрением заметила остановившуюся неподалеку расплывчатую темную тень. Вздрогнув гораздо раньше, чем ощутив испуг, она с опаской медленно обернулась. Сбоку от нее в легкой, явно не по погоде, кожаной курточке стоял молодой мужчина. Наличие густой растительности на его лице свидетельствовало либо в пользу его неславянского происхождения либо об отсутствии дома бритвенного станка. Поймав твердый взгляд серых глаз, Айна попыталась за доли секунд по внешнему виду выявить в незнакомце отсутствие криминального прошлого и дурных наклонностей.

– Не бойтесь, девушка. Я не маньяк, – произнес он, будто прочитав ход ее мыслей.

Айна продолжала молчать, мысленно очерчивая вокруг себя круг, спасающий от темных сил.

– Я не маньяк, – повторил он испуганной девушке, – я моряк. У меня даже паспорт есть!

– Морской? – глядя на незнакомца снизу вверх, робко спросила Айна.

Улыбка осветила его лицо. Расстегнув молнию куртки, новый знакомый извлек из внутреннего кармана портмоне.

– Морской, – ответил он, протягивая ей документ.

«Ну я теперь хотя бы знаю его фамилию, и внешний вид в голове успела зафиксировать»,

– листая документ и исподлобья поглядывая на морячка, успокоила она себя. – Это ж информация, и она должна сохраниться в зрачках моих глаз на непредвиденный летальный исход?» – задала сама себе вопрос начитанная детективами Айна.

– Мы здесь неподалеку с командой кильку ловим. Вот наше судно стоит на причале. – Он показал рукой вдаль, присаживаясь на скамейку рядом с девушкой.

– Моя дочь тоже любит кильку, – еще немного растерянная почему-то произнесла Айна, – видимо, чтобы как-то поддержать разговор.

Резко повернувшись к девушке, моряк немного удивленно переспросил:

– Дочь?!

– Дочь, – выдержав его экспансивный взгляд, спокойно ответила Айна.

– Быть может, у вас еще и муж есть? – продолжил он в такой же резкой манере.

– И муж есть, – еле сдерживая невольно проступающую улыбку, так же спокойно ответила Айна.

Пробормотав что-то нечленораздельное себе под нос, новый случайный знакомый стал неожиданно собираться, на ходу застегивая куртку.

– В кои веки понравилась девушка, и та замужем, – нервно выпалил он, непонятно кому адресуя сказанное. Еще через мгновение, придя в себя, моряк, бросив на Айну полный сожаления взгляд, произнес: – Вы простите меня, девушка. Мне просто религия не позволяет общаться с замужними. Прощайте. И удачи Вам! – торопливо добавил он, почти убегая от нее.

«Это был мой самый короткий роман, – устало откидываясь на спинку скамейки, отметила

про себя Айна. – Видимо, не для меня Газманов свою песню пел. И не видать мне теперь на новогоднем столе ни кильки в томате, ни селедки под шубой. Основной поставщик-то утерян. Что ж ты меня покинул, Джек Воробей мой недоделанный? – мысленно обратилась она к беглецу. – Отчего не вытащил меня из лап злого дракона-мужа? Почему не сделал моих детей счастливыми, надарив им биноклей и ракушек? Зачем пошел по пути наименьшего сопротивления, задушив в себе благородный порыв «ричардгирства», вразрез всем моим представлениям о доблестях, о подвигах, о славе?»

Почемучек было задано много, а ответ не наклевывался ни один.

Подышав еще какое-то время морским воздухом свободы и потерянной кильки, Айна, уже начавшая немного замерзать, решила, что пора бы и возвращаться. Проходя вдоль берега, где неподалеку расположился жилой поселок, она обратила внимание на синхронно клубящиеся над крышами домов густые струи дыма из печных труб. Струящийся печной дым всегда был для нее символом мира и уюта домашнего очага.

«Здесь вроде где-то рядом живут мои дальние родственники», – припомнила она. Которые когда-то активно зазывали ее в гости, – то ли это была дань вежливости, то ли действительно желание разделить с кем-нибудь лишнюю калориями вечернюю трапезу.

«Почему бы не пойти? Убью двух зайцев: развеюсь и исполню когда-то данное обещание нанести королевский визит. Даже не двух, а трех зайцев. Еще можно и вкусно поужинать», – окончательно убедила себя Айна последним доводом и свернула к поселковой тропинке.

Уже сидя за вечерним столом в гостях, Айна обратила внимание на незнакомую девушку, накрывающую на стол. Высокий рост, крепкое телосложение и несколько резкие черты лица заметно выделяли ее среди остального контингента домочадцев. Выделяли и как бы держали в стороне.

– Это жена моего брата, Разият, – заметив интерес Айны, представила ей новую знакомую хозяйка дома. – Я люблю ее как родную сестру, – подытожила она свою речь добавочной информацией, которая, по всей видимости, должна была растрогать гостя.

«Надеюсь, это знакомство будет не столь коротким, как утреннее», – подумала Айна, ответно улыбаясь на приветствие невестки и шеф-повара в одном лице.

Так начиналась эта вето-дружба.

Проходили дни, протекали месяцы, менялись декорации за окном, зимний сад сезонно становился вишневым. Менялось все, не менялось лишь ее восприятие жизни. В моменты интровертного одиночества, когда в переполненном городе не было ни единой солидарной души, ноги девушки подсознательно вели ее к маленькому домику на окраине. Казалось, в этом доме Айна находила недостающую порцию витамина, прописанную как самой жизнью, так и ее внутренним сознанием. Обретенная дружба новой знакомой стала для нее и тихой гаванью, и лучиком в туннеле, и идиллическим печным дымом из труб.

Будучи той самой редкостной приправой, придающей особую пикантность обычному блюду, Разият умудрялась заразить Айну своим оптимизмом и, подобно ди-джею на вечеринке, превратить любую банальную ситуацию в искрометное шоу. За обедом она могла неожиданно выхватить кусок колбасы из рук ошеломленной Айны со словами: «Быть может, я сама хочу сделать тебе бутерброд», и еще через мгновение преспокойно протянуть ей уже готовый

«правильный» бутерброд. А могла без лишних слов отдать Айне в краткосрочную аренду свой эпилятор.

– Но ведь это вещь личного обихода, – недоуменно произносила Айна.

– Так я его любому и не даю, – откусывая яблоко, спокойно отвечала Разият.

Восхищало ее умение жить с улыбкой, несмотря на, казалось, всепоглощающее чувство неполноценного счастья – жизни с мужем, который был далек от ее внутреннего мира как земля от своего спутника. «Откуда она черпает недостающую энергию? Какая батарейка энерджайзер сейчас в ней работает? – Для Айны эти вопросы оставались загадкой. – Ведь это равно как все время сидеть на гречке с жареной рыбой и есть ее изо дня в день с блаженной истомой на лице».

У каждого человека, наверно, бывают нелюбимые блюда. Но почему-то именно это сочетание блюд было для Айны неприемлемым. Можно было отдельно съесть гречку, разбавив ее гуляшом или котлетами. Можно, конечно, и рыбу отдельно съесть с каким-нибудь изысканным гарниром. Но вместе эти два компонента почему-то вызывали у Айны резкое отторжение желудочного сока. Съесть гречку с рыбой она могла лишь в гостях и общественной столовой, но никак не дома, уютно примостившись у телевизора при просмотре любимой передачи.

Показное благополучие семьи и внешняя любовь домочадцев к «пришлой невестке с особым набором тараканов в голове» не убивали Разият, лишь делали ее сильнее. Разное восприятие жизни и несовместимость духовных ценностей делали невозможным и ее брачный союз, но она и там умудрялась как-то лавировать на разбитом корыте. «И если ее до сих пор не заклевали, то только потому, что она перевернется в горле у каждого, кто захочет ее проглотить», – осенило как-то Айну.

Она была не из тех подруг, которые с указкой в руке лечили тебя долгими монологами о неверности твоего мышления.

Она была из тех, кто сказал бы тебе: если ты захочешь сбежать, позови меня – я смогу сбежать вместе с тобой.

Словом, она была! Была и Пятницей на острове, и скооперированным Атосом, Портосом, Арамисом в одном лице.

И тем не менее ее безнадежно было мало.

Короткие чингизхановские набеги Разият в Дагестан каждый год на несколько недель (все остальное время она вместе с семьей проживала в Калининграде) были тем небольшим глотком воздуха, из которого девушка черпала силы до следующего приезда подруги. Схожесть суждений и даже в какой-то мере «нескладных» судеб делало девушек одним единым целым. Лишь одно разительно отличало их – твердая вера (гиперпрочного качества) Разият в завтрашнее утро, вера, которой так не хватало Айне. Казалось, даже если весь мир перевернется, именно у нее останется стабильность, думалось тогда Айне. Но как она заблуждалась на тот момент…

* * *

Бесспорно, несложившийся брак оставляет негативный отпечаток даже на самом позитивном человеке – будь то принцесса Диана или сам Киркоров.

Нет-нет до Айны доходили вести неопределенного рода. Ссора Разият с мужем, переезд на другую квартиру, небольшое перемирие и в итоге все же окончательный разрыв. Конечно, было что-то еще похлеще – то, чего Айна пока не знала. Об этом свидетельствовали тайные пересуды родственников на различных семейных мероприятиях, где временами из эпицентра разговоров доносилось имя подруги. Айна молча глотала слухи, наблюдая безмолвный онлайн Разият в социальных сетях и недоумевая, почему ей приходится узнавать новости от случайных общих знакомых, а не от нее самой. Не выдержав продолжительной неизвестности, Айна первая нарушила онлайн-молчание в сети:

– У тебя все хорошо?

– Да.

– Ты теперь молчишь… Помнится, мы были на одной территории доверия?

– Просто наступили времена, когда не поймешь: кто друг, а кто враг…

– И все же поделись… Подруги ли мы? Я не знаю… Но кажется мне, что подру…

– Безусловно, ты мне близкий человек. Я немного в смятении... Но, думается, мы сейчас по разную сторону баррикад.

Такие слова звучали шокирующе и немного оскорбительно. Отодвигая в сторону невольно подступающую обиду, Айна, перефразируя Никулина, продолжила диалог:

– О, горе мне! Молчи, несчастная! Как ты могла такое подумать, ты – сестра моя, мать своих детей!

– Потому что я вышла замуж.

В эту секунду Айна смогла полностью оценить смысл мифологической фразы «и земля разверзлась пред ее ногами».

– Замуж?! Но за кого???

– …За Мурада.

Айна повторно провалилась сквозь землю. Мурад был бывшим мужем той самой ее родственницы, которая их и познакомила и которая вдобавок по совместительству еще совсем недавно была золовкой Разият.

Упс... Рубрика «нарочно не придумаешь».

Мезальянс века!

Все ва-банки мира объединяйтесь!

Нелепость, граничащая с безумством, и смелость достойная королей!

«Этого не может быть! Такое случается только в сериалах, – пыталась собрать расползающиеся в стороны мысли Айна. – Тут, с какого бока не гляди, фривольностью попахивает».

Привычный уклад жизни был нарушен достаточно дерзким вмешательством судьбы. И дальше, сколько ни пытайся закрывать глаза на произошедшее, очевидным было только одно – как прежде, уже никогда не будет. Разият, как будто почувствовав смятение подруги, вышла из сети, дав тем самым Айне время на осмысливание…

Все родственники Айны по отцовской линии уже в открытую «громозвучно» ненавидели Разият, часто на семейных советах обсуждая проступок бывшей невестки, мимолетом поглядывая в сторону Айны. Иногда молчание красноречивее слов. В безмолвии Айны родственники узрели ее вражескую позицию: молчит, значит, она на стороне белых. Рассматривая более масштабные варианты санкций против бывшего союзника, родственники требовали и от Айны безоговорочной капитуляции с последующим сложением знамен.

– Как ты можешь с ней общаться, ведь она предала нашу семью?

– Ну, положим… на тогдашний момент ее развода этот… ее нынешний муж тоже был в разводе… эээ… с ее бывшей золовкой…

– Ты все еще ее оправдываешь? Не забывай, ты наша родственница! А она змея, пригретая на груди. Твоя так называемая подруга совершила непростительный грязный поступок, и точка!

Громко хлопая дверью, родственники уходили. Айна, потерянно глядя в сторону закрытой двери, чуть слышно отвечала:

– Я ее не оправдываю…. Я ее понимаю…

* * *

Умение заглядывать под чужую кожу всегда мешало Айне полноценно жить. Это было ее личное мнение, и оспорить его пока никто не пытался.

Собрав воедино разбитую чашку надежд и реалий далекой подруги, Айна смогла воссоздать полную звеньевую цепочку событий, приведших Разият к «апокалипсису».

Непосильная жизнь с человеком, к которому не испытываешь никаких чувств, кроме сострадания; напускное благополучие и поддержка семьи лишь в глазах общества; вынужденный неизбежный развод как последняя возможность утопающего хлебнуть глоток воздуха; сплетни-доводы бывших родственников о моральном облике уже бывшей невестки; ночные слезы в одинокую подушку от осознания непризнанности массой; и в итоге отчаянный финишный рывок, удар по воротам, который и стал последним гвоздем в крышку ее гроба – недопустимое, почти инцестное замужество…

Мышь, загнанная в угол, тоже кусается…

И не от ветра, а от солнца распахиваются плащи…

* * *

Есть такой лабораторный опыт, когда блоху помещают в стеклянную банку, завинченную сверху крышкой. Через несколько дней, открыв банку, можно было наблюдать интересный парадокс: блоха никак не могла прыгнуть выше крышки – уже несуществующей. Запертая в банке блоха помнила: крышка есть! В ее мозгу (а есть ли у блохи мозг?) сложился стереотип, что это потолок, что выше нельзя, выше некуда! Нет бы ей остановиться на минутку, отдышаться, высунув язык, и спокойненько, не спеша выйти за пределы искусственно установленных границ, жить дальше, не ограничивая себя воображаемой крышкой.

Анализируя смысл проведенного учеными опыта, Айна понимала, что она была той самой запертой блохой. В противовес ей, сломав все стереотипы, из банки условных правил жизни выпрыгнула Разият…

* * *

Шли годы.

Менялись президенты.

Онлайн плавно переходил в оффлайн…

Айна периодически жала на клавиши клавиатуры:

– Так проходит земная слава?..

– Я просто не хочу добавлять тебе проблем. Как бы мне ни было больно тебе это говорить, но в первую очередь ты – их родственница. И лишь потом моя подруга. Хотя, что до меня – мне второе важнее…

– Первым делом самолеты… А мне-то казалось, именно ты знаешь ответы на вопросы: кому на Руси жить хорошо и что делать...

– Не заморачивайся, подруга. Жизнь она ведь проста – как приготовление шарлотки: стакан сахара, муки, 3 яйца, ложка какао и 5 яблок. И все!

– А… температура духовки?

Легкое замешательство в ответе.

– Ну… температуру регулируй сама. Ты почувствуешь… как правильно.

«Все-таки нет у тебя точного рецепта, подруга. Какие-то лишние двадцать градусов могут придать духовному миру начинки грубую пригоревшую корочку. И все-таки атмосфера вокруг важна не менее состава ингредиентов». Дойдя в размышлениях до точки, Айна задумчиво добавила:

– Хорошо, что жизнь не как приготовление безе. А то я взбиваю, взбиваю белки, и в миксере взбиваю, и вручную, а у меня все равно выходит какая-то жижа…

* * *

– Ты меня слышишь? – Голос из трубки вернул Айну из воспоминаний обратно к зеркалу. – Я желаю тебе в твой день рождения отпустить из сердца недругов своих. Скажи Всевышнему: дай счастья и здоровья врагам моим. Пусть у них все будет хорошо! Но подальше от меня…

– Но… ведь это противно природе человеческой – любить врагов своих. Это неискреннее прощение. Фарс души. Это невозможно!

– Возможно. Я же простила. И пойми, что вовсе не тяжесть проблем сгибает твою спину, это мощь крыльев, которые тебе пора расправить. С днем рождения тебя, мой самый близкий человечек, моя лучшая подруга и сестра по духу. Ты – мой единомышленник! До свидания…

– До свидания… Через год…

* * *

Получив воздушно-капельным путем очередную порцию лекарства для борьбы с воображаемыми крышками, Айна устало присела перед телевизором.

Ничего не менялось. Все шло по кругу. Из года в год…

Она знала, что завтра с утра опять начнет новую жизнь, которую она регулярно начинала с каждого понедельника. Уверенно расставаясь с розовыми очками и выбрасывая грабли, Айна каждый раз искренне негодовала: ну как к концу недели очки снова оказывались в кармане, а грабли вновь стояли в углу?

Усталость брала свое. Самокопание труднодоступных глубин подсознания уже изрядно проело плешь в ее мозгу. Искусственно наращенный оптимизм, подобно снегу в баллончике, не приносил долгой радости и держался не дольше маникюра на ногтях. Улыбка на лице была натянутой и, как сказала бы ее дочь, «невзаправдашней», как впрочем и мастерски вылощенные пельмени в рекламах. В связи с этим назревал давно наболевший вопрос: и кого этим внешним лоском она пыталась обмануть? Ведь сколько ни барахтайся, а сметана так и не превращалась в сливочное масло, а мотор лодки для отплытия в большое плаванье глох после нескольких попыток. Очевидно, для этого нужны более сильные лапки и более мощные обороты. Отсутствие навыков кунг-фу в реслинге с повседневным негативом не позволяло ей ощутить долгожданный вкус жизни; и борись – не борись с ветряными мельницами, были истины, которые оставались неизменными – за рассветом наступал закат, онлайн в сети был поверхностным, а на кухне ждала холодная гречка с рыбой…

Мариям Кабашилова

Граница меж явью и сном

* * *

Мы только немножко тут
И почти целиком в том вечере.
Едем долго в трамвае – знакомый маршрут.
Я тогда поняла еще, мы никогда не излечимся
От январского снега. Там тусклая ртуть

Фонарей. Грусть
Во взгляде, и выдох – боже!
Ты говоришь, и я – говорю-говорю.
А мимо нас спешат без конца прохожие,
Непричастные к снегу, деревьям и январю.

* * *

В голове мыслей мелкое крошево,
Древние камни шлют письма из прошлого.
На твоем лице черная ночь и скулы стальные,
Боль делит тебя на взгляд и все остальное.

Больничная палата, тесная койка,
Надежда на весну.
Слушай сообщение из Моря спокойствия:
Вот в эту минуту, прямо сейчас,
Армстронг высаживается на Луну.
Расчехляет саксофон, звучит неземной джаз.

Запомни до седьмого колена:
Горстка снега –
все, что нужно знать о Вселенной.
Не спрашивай, зачем ты родился,
Для чего эти руки, ноги, волосы, плечи.
Загребай озябшими пальцами
наледь из холодильника
И думай о вечном.

* * *

Да брось, его вера была сильнее нашей,
Молитва глубже, жертва – щедрее.
Он почище библейского персонажа
Страдал и мучился, болью древней
Платил за радость. Сквозь вьюги, грозы
На край земли пошёл бы за дозой,

Семь пар железных сапог истёр бы…
И нас как братьев родных, сестер бы

Он накормил не вином и рыбой…
Ну, в общем, не человек, а глыба.

Такие гибли рано от века.
Как рассказать, чтобы не исковеркать.
Мы так исправно не ходим в церковь,
Как он ходил каждый день в аптеку.

Как в храм, на мессу…
В уме – единое на потребу.
Так тишина скучает по лесу,
И ночь – по звездному зимнему небу.

Из сотни тысяч сюжетов вешних
Он выбрал этот – прямой и ратный.
Так что не надо, что был он грешен,
Не надо, правда.

* * *

То, что нам назначалось,
теперь происходит с другими –
Ясноглазыми, с хищною поступью рысьей,
тугими
Мышцами. Это они целуются, шепчут друг другу
Про «навсегда» и едут в метро по кругу.
Им бы домой – ночь снаружи стелется густо,
Но уж поверь, они своего не упустят.
Крепко вонзятся в голову, руки, плечи,
Пустят корни в теплую бесконечность,
В мягкость диванную, запах хлеба из кухни.
Кот не перебежит, ворона не каркнет,
сова не ухнет.
Магией уберегут, амулетом, крестом, камеей.
Мы с тобою, мой друг, так не умеем.

* * *

А теперь, когда ямка твоей ключицы
У меня будто в горле – кость,
Расскажи о том, чего не случилось,
Стороной обошло, не сбылось.
Сколько поездов без тебя умчалось –
Питер, Вологда, Тула, Орел, Чита…
Сколько пароходов ушло с причалов,
Сколько книжек не прочитал,
Сколько песен… Зимою холодной, скользкой
Не зашёл по пути в знакомый паб.
Сколько раз не влюбился и, честно, скольких
Толстозадых не трахнул баб.
Хорошо, что так вышло – легко и глупо.
А то, правда, было бы чересчур.
Дождь осенний нещадно по крышам лупит,
Ветер хлопает по плечу.

* * *

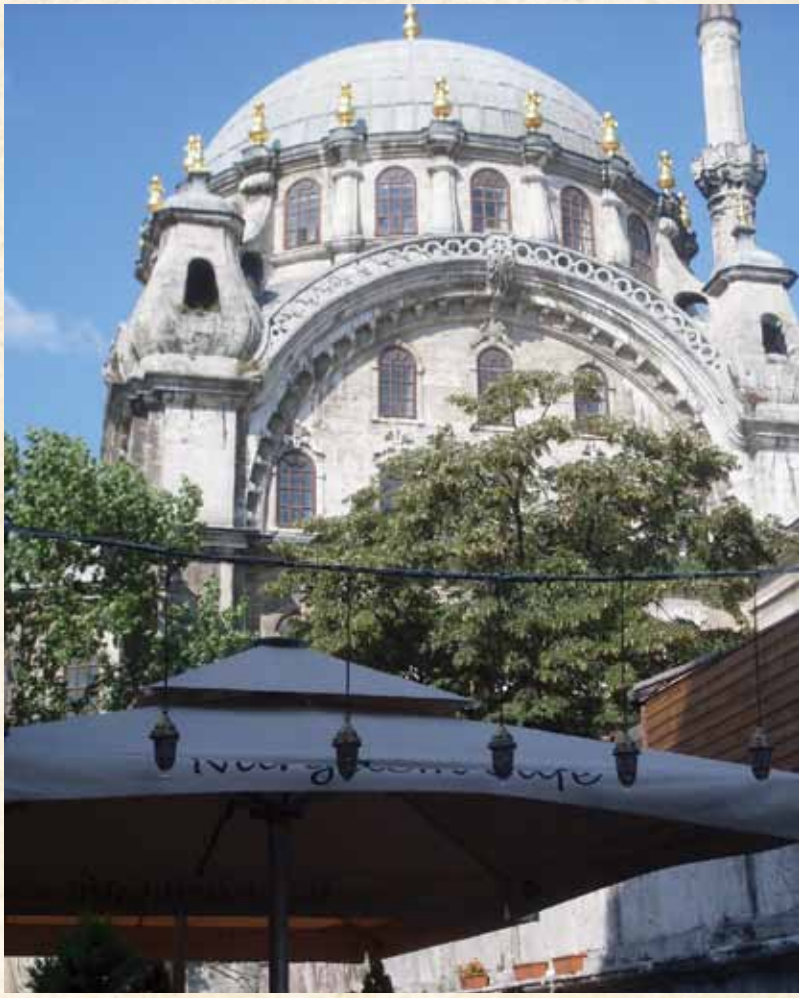
Я же говорила, что все незаметно пройдет,
Зря мы мучились, ночами не спали,
Нам в бреду мерещились сосны, пальмы.
Вечность? Что ты! Не минул год.

Остается только делить меж собой слова,
Весь вербальный скарб, что был нажит вместе,
Эти фильмы, стихи, рассказы, песни.
Я возьму все то, что на букву «А».

Ад, аорта, агония, амок, аккорд, абрек,
Астения, артерия, август, аэропорт, аптека.
Что ж, не так уж много для одного человека,
Но вполне достаточно, чтобы пропасть навек.

* * *

Если вы встретитесь снова,
Будете заново учиться говорить слово
«привет» и спрашивать «как дела?»,
Думать, куда девать
Руки, взгляд, с чего начать,
Снова учиться молчать
О ноябре, о тревожных снах,
Траченных осенью лесах,
О том, что зима скоро,
Поправлять волосы,
обматывать шарфом горло,
Теребить пуговицу, комкать
Скатерть. Будто едва знакомы,
Будто не одного покроя, не из одного теста,
Будто не жили, не умирали вместе.



* * *

А когда этот вечный пейзаж,
измученный сумраком,
Встанет комом внутри и навсегда надоест,
Поезжай в дивный город-сундук,
город-палимпсест.
На пролетке, арбе, самолете, на поезде скором,
На двугорбом верблюде –
скорей к берегам Босфора,
Где волнистое море глотает все звезды за раз,
Где на мраморе римском гуляет арабская вязь.
Наблюдай, как пропахший кальяном день
сходит на нет,
И луна рассыпается на миллионы монет.
Ветер дует с залива так же, как раньше дул.
По окольным путям поезжай
из Царьграда в Стамбул,
Хоронясь сверкающих сабель
в полуночной мгле,
Сквозь старинный погост попадешь
в кафе-наргиле.
Ничего не случится, ты только поймешь одно –
Что утратил навек границу меж явью и сном.

* * *

Ни для кого ни рыцарь, ни кумир,
Он мимо проходил, и в этот мир
Случайно заглянул, чтоб мимоходом
Поправить сбившееся одеяло
И затянуться свежею махоркой,
Осенней ночью звездной, небывалой,
У ветхого окошка что-то думать,
Следя за длинным лунным рукавом.
Он честно жил на свете, тихо умер,
Не потревожив никого.

* * *

Когда твой взгляд, сроднившийся с листвой,
Скользит легко сквозь иероглиф веток,
Приходит непогода на постой
В печальный парк у дома. Без ответа

Все письма, улетевшие туда,
Где море синее и солнце светит…
А пруд у дома, клены у пруда
Стоят разочарованные в лете.

* * *

В твоей ладони зреет ее рука,
Распускается пальцами, ломается в запястье,
Эта любовь была тебе велика,
Стихи – на вырост. Слова «счастье»,
«чувства» и проч. звучат
как на другом наречии,
Не опыляют мозг волшебной пыльцой…
Не то, чтобы время лечит,
Просто тот, о ком она пела, имел другое лицо,
Волосы, родинки на плечах нагих,
Другой голос, запах, размер ноги.

* * *

Можно, конечно, поехать на море.
Но на деле –
Еще один день проведу в постели,
Разглядывая окно, потолок и стены.
Мои друзья выросли, женились, растолстели,
Бросили жену, работу, пить,
Сторчались, умерли.
Не с кем больше дружить.
Думать, делить душевную прыть,
Гулять по Чистым, тянуть длинную нить
Разговора:
Кино, поэзия, Маяковский, Есенин, Айседора,
Курить в сумерках коридора.
Некому сказать: «Ты мне дорог.
Ты мне очень дорог…»

* * *

Ходишь, думаешь, говоришь,
В голове носишь грустную танка,
Меришь счастье свое наизнанку,
Смотришь вдаль с островерхих крыш.

Вот бы, думаешь, в один клик –
Чтобы горы вокруг и воздух,
Чтобы лес был и домик возле,
И журчащий вечно родник.

Забываешься легким сном,
Снится поле в колосьях хлеба.
Разрешается синим небом
Каждым утром твое окно.

Кто ты? Призрак ли, человек…
Я таких не встречала сроду,
Ты река, ворожащая воду,
Ты декабрь, ворожащий снег.

Фото Г. Расулова

Фото К. Чутуева